

А.А. Гребенкин

**ОТКРЫТОЕ
НЕБО**

А. А. Гребенкин

Открытое небо

«Издательские решения»

Гребенкин А. А.

Открытое небо / А. А. Гребенкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901999-8

Терпеть не могу составлять аннотации. Они бессмысленны: любая хорошая книга — сразу обо всем. О любви и ненависти, о быстротечных годах и долгих секундах, об исторических событиях, приведших нас к сегодняшнему дню, о будущем, которое может, но не должно наступить. По жанру «Открытое небо» — социальная и религиозная антиутопия, по стилю — магический реализм, но все это условности. Это просто книга о путешествии души — из времени в вечность.

ISBN 978-5-44-901999-8

© Гребенкин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Движение в темноту	6
Перхоть дьявола	16
Нож судьбы	21
Самая яркая звезда	26
Два храма	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Открытое небо

А. А. Гребенкин

© А. А. Гребенкин, 2018

ISBN 978-5-4490-1999-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она вылетела из бездны. Тёмная материнская материя, отпустив Её, медленно поплыла в бесконечную даль.

Она была первой и летела в одиночестве. Лишь непроницаемый черный воздух окружал Её.

А на всей Земле была осень. Терзавший пространство ветер превратился в слабое дыхание и наконец затих. Деревья стояли, как окаменевшие души. Прощальный луч солнца блеснул и пропал.

Она летела и летела, меняясь каждое мгновение и оставаясь неизменно красивой. Она была невидимой, как ветер, и яркой, как сияние уличного фонаря. Она была цвета ранних сумерек и замирающей от холода реки. Она была серебристой, как падающая звезда, и белой, как лунный свет. Никто не мог видеть Её превращений, ни души не было вокруг.

Она летела, неотвратно спускаясь всё ниже, всё ближе к концу пути. Навстречу уже поднимался асфальт в опавших листьях, как вдруг появилось... Что-то светлое и чистое, быстро приобретающее очертания. Стали различимы едва заметные линии, словно штрихи, нанесённые неведомым скульптором. Линии медленно складывались в тончайший рисунок, воплощающий какой-то смысл... Глубокий, как само время. Рисунок увеличивался, заполняя всё вокруг и не оставляя больше пространства для полёта.

Вблизи рисунок оказался таким горячим, словно был создан из огня. Живым и неровным, как стук сердца. И таким же загадочным.

Снежинка упала на женскую ладонь и растаяла.

Движение в темноту

– Исчезает ли душа после смерти тела?

– Исчезает ли река, впадающая в море?

Из диалога о главном

Осенней ночью по городу шёл человек.

Полная луна лежала на облаках и асфальт блестел в её свете. Мерцали вдали окна, словно огоньки догорающего костра, городской прибой затихал, ветер уносил прочь опавшие листья и события минувшего дня.

Обманчивым было спокойствие ночного города, раскинувшегося так широко, будто нет ничего за его пределами, будто во всём мире есть лишь город и небо над ним. Стены домов скрывали множество судеб, у каждой из которых – своя тяжесть, не спадающая даже ночью.

Город неподвижен, но мигают его огни, словно от ветра, и кажется, что он – одинокий каменный остров, плывущий в ночь по холодной воде. Город – не то место, где может оттаять душа.

Над огнями раскинулось осеннее небо. Слева надвигалась чёрная громада, непроницаемая для лунного света, справа ещё держалась глубокая чистая синева. Небо, разделённое на две части, было похоже на фотографию человеческой души. Неожиданная и странная мысль.

Никогда нельзя точно сказать, о чём думает человек: между мыслями, неуловимыми толчками направляющими его жизнь, и высказанными словами – расстояние непреодолимое. И едва ли человек мыслит словами, они появляются потом. Мысль не имеет формы, ведь она отражает всё вокруг и нечто большее.

В мыслях – игра света и тени. Вверх-вниз по тёмному или освещённому жизненному пути. Ни одна минута не проходит бесследно, всё вокруг возникает на миг и превращается в воспоминания, которые носишь с собой. Они тяжёлой пылью оседают внутри, в сознании и плоти, складках кожи, крови, костях и со временем замедляют движение жизни. Вместо силы – лишь ощущение тяжести. Медленнее, ещё медленнее становятся шаги. И однажды – остановка. Дальше – нет сил. Возраст – это сумма воспоминаний.

А память так прихотлива... Сливаются в цветном потоке далёкие и близкие события. Память не знает препятствий. И нельзя управлять памятью, она сама выхватывает что-то из прошлого. Одни события забываются навсегда, другие всегда преследуют. Не в силах человеческих решать, что подлежит забвению, забыть хоть что-то – по своей воле и навсегда.

Но первые воспоминания светлы. Солнце, тепло, родные голоса. Только потом приходит то, что изо всех сил хочется забыть, но – невозможно.

И как же ценны эти первые проблески памяти, не омрачённые ничем мгновения прошлого... Чем старше становишься, тем чаще к ним возвращаешься.

Свет в той далёкой комнате был голубым – от тихо урчащего телевизора, который смотрели родители. И даже не хотелось переключиться и подглядывать, лежа головой к экрану. Светлый мир с пляшущими голубыми тенями на стене был красив и покоен. И так незаметно становился лёгким и сладким сном...

А утром за окном появлялся красный всадник, нарисованный во всю стену дома напротив. Живые краски, яркие в любую непогоду. Поднятая сабля, порыв, мощь. Непобедимый богатырь. Такое сильное впечатление об огромном, могучем защитнике. Со временем перешедшее в веру, кто знает... Кто знает, во что превратились первые мысли и чувства, но они не могли мелькнуть и сгореть, они – остались.

Со временем всадник обрёл имя. Выложенные на стене знаки оказались буквами и настал день, когда можно было их сложить и прочесть: «Бу... дё... Будё... нн... ый». Будённый!!! Красный маршал! Песни, легенды, летящая кавалерия! Как здорово уметь читать!

А каким был тот зимний вечер, когда такие большие, уходящие в небо родители, опрокинув санки, смеялись и кружились вокруг фонарей, сиявших, как осколки луны, но ярче них сияли мамины глаза... И только для них, таких молодых и красивых, шёл снегопад. Такие минуты навсегда остаются в памяти греющим светом давно погасших звёзд.

Ещё одно далёкое воспоминание, потускневшее, как размытая плёнка, – мальчик сидит в комнате и занимается важным делом: придумывает свою подпись. Несколько листов уже покрыты героическими росчерками и важными завитушками, работа в разгаре. Должно быть красиво, помпезно, но без дурацких излишеств: полчаса рисовать подпись – пошлость и нарциссизм. Не такими словами, но так думалось. Вот наконец получился резкий остроконечный росчерк, похожий на звезду...

Наверное, это был первый взгляд на себя изнутри, а не со стороны, первый опыт самопознания. Как выразить себя символом из пары букв? Не столько себя существующего, сколько – идеального, должного, стремящегося. Подпись отражает характер – верный постулат умершего искусства графологии.

Человек в чёрном остановился, словно вглядываясь во что-то. Картинки-воспоминания медленно окружали его. Звуки, запахи, обрывки чего-то целого, того воздуха, той жизни.

Синий мяч, катящийся по жёлтой пыли футбольного поля. Прямо под правую. Лучшие секунды в жизни – перед ударом по мячу. Перед этим замахом, когда все застыли и вратарю не успеть. Старое футбольное поле... Да просто вытоптанная до твёрдости асфальта площадка между деревьями у каких-то развалин. А мяч – подшитый-заклеенный волейбольный, слишком лёгкий и резвый, но ведь всё равно куда круче сдутых резиновых. Резиновые – для мелких! А нам, мужикам, уже шесть!

Утром и днём, в самое пекло, там носилась малышня, ближе к сумеркам – ребята постарше. На том месте раньше было церковное кладбище, скрытое бульдозерами. И с тех пор такое безмолвное, никогда – ни шороха, ни скрипа ветки, ни птицы, ни кошки, ничего.

Настоящим храмом города стал элеватор, надёжно гудящий по ночам. Но днём он молчал и стояла полная тишина, пока не появлялись мы.

Старые, неохватные тополя окружали площадку со всех сторон. Опытные игроки знали любой возможный отскок от каждого дерева, обыгрывались с ними «в стенку», были первыми на мяче, мчались и забивали.

А потом воздух становился темнее, солнце пропадало куда-то, тени удлинялись и становилось как-то не по себе. Игра прекращалась с безумным счётом под сотню забитых мячей, малышня растекалась по домам, назначив почётного хранителя, уносившего мяч с собой до завтра. Приходили старшие и у них начиналась своя игра – уже при тусклом свете далёких фонарей.

Запах тыквенной каши в детском саду, нелюбимый, навязчивый, но такой близкий и понятный... Тёплый запах жилья, кухни, чего-то спокойного.

Предательски упавшее с палочки почти целое «Эскимо». Один только раз откусил, заевался, а оно упало на асфальт и прилипло-размазалось, не поднимешь. Потеря... Обидно до слез. Но тут же – отвлекающая мечта: вот бы стать мухой у подножия этой сладкой холодной горы. Съесть её за неделю – и превратиться обратно.

Белоснежная клумба во дворе, словно сахарная корзина с цветами... Всё детство, каждый день, в любую погоду – белоснежная. Или это так запомнилось – однажды, ослепительно прекрасным майским утром, – и навсегда. Маленький райский сад.

Большая, наивно-круглая фара старого «Запорожца», заметённая снегом. Пальцем рисуешь на ней простую рожицу и ждёшь. А потом приходит водитель, и она вдруг зажигается чертячим огоньком и уезжает. Фокус. Маленькое, но чудо! Это я придумал!

В детстве – открытия повсюду. И чувствуешь себя первооткрывателем, делающим то, до чего никто ещё не додумался. Нет знаний, нет ощущения огромности человеческой истории, древности мира и потому кажется, что миру – столько же дней, сколько тебе.

Открытия... Сначала дополняешь мир маленькими, но своими штрихами, а потом начинаешь его покорять. Вот он – первый вызов силам и характеру – железная ракета во дворе детского сада. Это было всерьёз.

Ребята постарше прыгали с её верхушки в снег. Когда все ушли, он тоже подошёл и прикоснулся к обжигающе-холодным синим поручням. Надел варежки и полез. Наверху было страшно, белый снег казался таким далёким. Прыгнуть – значит разбиться. Но что-то мешало пятиться обратно и вниз по скользкому железу. Нельзя отступить, ползти назад. Ничего героического, просто – нельзя. Если залез – нужно прыгать. Никто не смотрит, но... Сейчас отпущу руки и оттолкнусь, сейчас, ещё чуть-чуть... Вдруг выбежали ребята и он притворился, что просто залез. Спустился вниз.

Много лет спустя он проходил мимо той синей ракеты. Да она ведь всего метра полтора, взрослому по плечо! И как странно – эта ракета совсем терялась рядом с большими деревьями, которые в детстве были с меня ростом. Какой же маленький и уютный мир...

Забавная тогда была борьба с самим собой. Но необходимая. Первый страх и первая попытка преодоления. А скоро – ещё одна...

Птицы! Как же здорово, наверное, – взмыть вверх и нестись наперегонки с ветром, сквозь облака. Какие они – облака, если пролететь сквозь них? Как выглядят дома и лес с высоты? А горы, а другие страны? А река, широкая, как море? Почему же люди не летают? Потому что взрослые вечно заняты чем-то скучным. И они слишком тяжёлые, не сдвинуть.

А я полечу! Я сделаю крылья, я лёгкий, все получится! Нужно найти два куска прочной фанеры и верёвки для рук. Было тяжело пилить эту фанеру, но получилось. Точно – как изогнутое птичье крыло. И даже нарисовал фломастером красивые перья. Готово наконец. Это будет круче ракеты, все ахнут! Вот высокая стена гаража с выбитыми кирпичами, можно залезть.

Он взмахнул фанерными крыльями и рухнул в глубокий снег за гаражом. Всё равно – первый порыв и первая победа.

А скоро – снова поражение... В той схватке прямо посреди класса. Столько всего прошло, жизнь прошла, а всё жжёт старое поражение. Оказался под более тяжёлым соперником. Как ни выгibalся, сбросить его не удалось. Нужно было в ухо вцепиться и потащить вбок. Сразу бы местами поменялись. Нужно было... Сколько этих «нужно было» накопилось за всю долгую жизнь.

Глаза слезились от ветра, дрожали и расплывались городские огни. Скоро зима, как тогда... Но это будет уже другая зима.

Ночью, в старом доме у леса, он однажды проснулся, как будто что-то толкнуло. Встал и зачем-то подошёл к окну. Кромешная тьма, ничего не видно. Ветер воет над крышей. Прислонился, вглядываясь, к обжигающе холодному стеклу. Видно лишь отражение, а за ним – полная темнота. И вдруг в этой темноте, совсем рядом, напротив, – зажглись два зелёных огонька. Он смотрел на них, не в силах отвести взгляд, и казалось, что они тоже пристально смотрят. Манящие, очень красивые ярко-зелёные огоньки. Совсем близко. Долго смотрел на них, а потом раз – и огоньки пропали. Чернота за окном.

Утром он вышел из дома и увидел, как во двор входит сосед. Поднялся на крыльцо и застыл на месте, всматриваясь в снег. Увидел следы матёрого волка прямо на крыльце напротив окна. Эти зелёные огоньки были волчьими глазами. Волк смотрел на мальчика с расстояния в метр и между ними было только оконное стекло.

С детства не мог забыть эти огоньки. Вроде бы не приключение, но что-то в этом было, чувство опасности. Какое-то мистическое переживание. Красив и загадочен мир. Был когда-то...

Воспоминания детства вспыхивали и уходили прочь. Ближе, ближе к этой ночи, но всё равно так далеко – из юности. Тот случай в лесу...

Он шёл по тропинке к железнодорожным путям. Вокруг был мрачный лес, окрашенный догорающим солнцем в бордовые тона. Так тихо бывает в уральском лесу накануне зимы... Так тихо – до шелеста первых снежинок, падающих из белой пустоты. Только в безмолвии можно услышать шаги крадущейся зимы. Она близко. И нагрянет внезапно. Никогда, ни в один день осени невозможно сказать, что уже завтра – зима... И снова вьюги, неистовые снегопады, стынущая кровь всего живого, блёклое небо мимолетных дней и снова, и снова, без конца – холод и ночь.

Но пока слабеющее солнце ещё посылает свои прощальные лучи и то, что растёт и дышит, стремится ощутить их прикосновения. Вот и скрылась родная звезда, оставив оранжевые искры на темнеющем небе.

Юноша шёл по чуть заметной тропинке. Медленно опускались сумерки и мир терял краски. Обычный вечер и вот-вот уже покажется железная дорога, а за поворотом начинается посёлок, но было как-то не по себе. Слышны только свои шаги. Чернеющие ели смыкают позади свои колючие лапы.

Подойдя к краю леса, он заметил что-то странное справа, совсем рядом. Какое-то чёрное пятно между веток, на высоте трёх метров. Что-то косматой тенью нависает над тропинкой. Глухарь? Но почему так тихо? И почему не взлетает? Юноша сделал ещё шаг, всмотрелся и вдруг понял, что на ветвях, раскинувшись, сидит бурое чудовище, размером с медведя. Но взрослые медведи не лазают по деревьям! Ещё неуверенный шаг – и волосы зашевелились, и всё похолодело внутри. У этого чудовища – рога! И невозможная, искажённая яростью и страданием, огромная морда, заострённая книзу! И оно смотрит прямо на него! И сейчас сорвётся на землю, прыгнет вперёд!

Бывает, что страшным кажется обычное. Товарный поезд сбил насмерть молодого лося и зашвырнул его на ближние деревья. Несчастный лось так и остался висеть, волки его достать не могли.

Обычное иногда кажется страшным. В природе. Может быть, среди людей по-настоящему страшное кажется обычным. Становится обычным.

Он снова вспомнил старый кирпичный дом, в котором прошло детство. Однажды, солнечным утром, он нёсся вниз, уже слыша упоительные звонкие звуки ударов по мячу, перепрыгивая через ступеньки и скользя рукой по деревянным перилам с облупившейся зелёной краской. На повороте перед первым этажом руку обожгло острой болью, выступила кровь...

В одну из щелей между досками перил кто-то вставил обломок бритвы. Незабываемая первая жестокость. Мир стал не таким, каким был секунду назад. Мгновенно и невратно пропало ощущение чуда, мерцающего волшебства необъятного мира вокруг. Потому что в этом мире, совсем рядом, существовал кто-то, способный вставить лезвие в перила, на которые за день опираются десятки людей. Вставить и уйти.

Мир перестал быть загадочным и стал – непредсказуемым. Зачем кто-то это сделал? Тогда это было непонятно. Да и сейчас...

Он провел указательным пальцем по большому, почувствовав полоску старого шрама. Чья-то злая мысль сохранилась через десятилетия, можно потрогать её след. Нет уже ни того дома, ни той улицы, никого из людей, но маленькая злая мысль – вот.

Каждый в таких отпечатках. Каждый человек – фигурка, вылепленная прикосновениями других. Всё дело в этих прикосновениях, природа даёт лишь строительный материал, первозданную глину.

Детство, юность и то, что сейчас – всё это лишь формы, человек остаётся неизменным. Жизнь – лишь отпечаток с предначертанной формой, заполняемой плотью и кровью. Отпечаток, плывущий куда-то и твердеющий от соли людского моря. Твердеющий до камня.

Каменный город окружал человека, идущего сквозь ночь.

Осенний ветер, пахнувший сыростью, мёртвыми листьями, серым дождём и печалью, пролетел над головой. И вдруг порывом ударил сбоку. Затих и снова налетел-ударил, пробуя нарастающую силу. Ветер... словно прерывистое дыхание непостижимо огромного существа.

Но вот ветер исчез и стало так же тихо, как тогда, накануне зимы. Как будто вся жизнь – накануне зимы. Дома, фонари, застывшее небо над ними.

В тишине проще увидеть, что всё вокруг наполнено смыслом. Всё видно, достаточно пристального взгляда. Спокойного взгляда.

Может, прямо сейчас аскетичный подвижник сидит в Гималаях и смотрит на... Неважно, на что. Пусть – на простую травинку. Часами и днями, от утренней и до вечерней росы. Что он видит? Он видит линии, которые не повторятся во веки веков, природа не знает копий. Он видит, как маленькая жизнь питается каплями воды, принесёнными ветром неведь откуда, но всё-таки принесёнными для неё, как она склоняется от ветра к матери-земле и становится неуязвимой, как хрупка эта жизнь перед нависающими громадами и насколько она чудесна в этом каменном царстве, ведь горы ни на секунду не оживут, пролейся на них хоть океан.

Он видит, как сложна жизнь, ведь всё человечество, могучее человечество, исходившее планету и протянувшее руки в космос, тысячи лет копившее знания, изучая и покоряя всё вокруг, не сможет создать такой травинки. Создать хоть крохотную жизнь из небытия. Любыми, напряжёнными до исступления, до безумия, до стёртых пальцев, любыми усилиями всех учёных и мастеров, живущих и когда-либо живших, – не сможет.

Подвижник видит это и, быть может, становится мудрее. И счастливее. Если не случайна и прекрасна травинка, то не пропадёт и смотрящий на нее.

Ведь верно, что любая деталь, на которую падает взгляд, отражает в себе весь мир. Вопрос лишь в силе этого взгляда.

Мир полон символов, скрытого смысла. Нужен внимательный взгляд и сквозь обыденное, привычное – откроется запредельная глубина. И будет эта радость узнавания, прикосновения к тайне, к чему-то большему, чем цепь бегущих дней. Радость узнавания. Или печаль? Как в ту минуту, когда я впервые понял, что именно нарисовано на той фламандской картине – «Торговка рыбой».

Казалось бы – обычная жанровая картина. Что необычного? Торговка режет рыбу на столе. За дверью лавки кипит рынок, спуют люди.

Но если взглядеться, вчувствоваться... Торговка с жестоким лицом режет рыбу. Центр картины – острый нож в цепких привычных пальцах. Липкие и холодные пальцы, равнодушный взгляд. Хотя нет, у неё злой взгляд. Но не просто злой... Обычно в злом взгляде есть подтекст, скрытая тональность: обида, горечь, ревность, зависть, что-то иное, выступающее причиной зла, для чего зло – это форма. Но в глазах этой торговки – зло в чистом виде, без примесей чего-то другого, в её глазах – самое худшее и настоящее зло – бездушие.

В этой женщине – нет ничего женского... Она не красива и не уродлива, она – безлика. И когда понимаешь, кто стоит в центре картины, проясняется и всё остальное. Живые люди за дверью, мёртвые рыбы – перед торговкой... Рыба – символ христиан... На этой картине изображена Смерть.

Искусство – носитель смысла. Жизнь неохватна и быстра, главный смысл теряется в череде событий. Но искусство снова и снова высвечивает этот ускользающий смысл.

Когда-то была эта простая вера, что всё вокруг – искусство. Всё на земле и в людях. Что-то, созданное с замыслом и любовью. Неважно кем, но – именно созданное. Уже искусство или может им стать. Но потом – стала непреодолимой эта граница между смыслом и... Всем

остальным. Между смыслом и жизнью. Между живым смыслом и мёртвой жизнью. С возрастом начинаешь скользить вдоль этой границы, но заступаешь за неё всё реже, а потом – никогда. И взгляд, который раньше выхватывал что-то настоящее, становится невидящим. В этих днях ничего нет, в каждом из них. Такая пустота...

Искусство – дело молодых, потом человек становится слишком злым. И закрываются для него все эти прекрасные миры. Опускается занавес, сотканный из событий каждого дня, и непроницаемым становится то, что за ним.

Он огляделся вокруг. Любая деталь отражает весь мир... Но у меня нет сил разматывать этот нечеловеческий клубок. Ни к чему пристальный взгляд. И потому вокруг просто... Просто город. Одинаковые дома, наполненные разными людьми. Антенны и провода, доставляющие в дома картинки и звуки. Заборы, жалкие потомки крепостных стен. Коричневая насыпь, похожая на изгиб хвоста спящего дракона, покрытого ржавой чешуей. Пыльные деревья со срезанными вершинами, словно повторяющие судьбу людей. Скованная асфальтом земля – живая в плену мёртвого.

Сквозь всё, что видишь, проступает эта граница – между живым и мёртвым. Весной кажется, что жизнь вечна и радостна, а сейчас – что сама жизнь – медленное умирание. Ведь каждый миг мы делаем что-то в последний раз. Мелькают лица людей, которых больше не встретишь, остаются позади места, куда не вернешься, события, которые не повторятся. Вспыхивает и угасает невысказанное. Неостановимо течение жизни.

Город молчал. Гасли и сливались с темнотой окна домов. Осенняя ночь коротка для уставших. Несколько часов тишины, долгий вздох – и вот уже двинулось колесо нового дня. Бесценный дар – эти часы, короткое время, когда не ощущаешь ничего.

Странная иллюзия... Кажется, что мысли, приходящие в тишине, имеют какое-то значение для других. Как будто кто-то не спит, а прислушивается. Словно кому-то не всё равно.

Внезапный порыв ветра, холодного, как с вершины ледника, распахнул полы чёрного пальто и пробил человека насквозь, но он не заметил, будто был бесплотным и ветер пронёсся сквозь него. Что-то зловещее было в этом ветре, как будто вся тоска и безысходность летели вместе с ним.

А что, если истинные мысли каждого читались бы другими? Независимо от воли – если бы их нельзя было скрыть? Тогда... Началась бы война всех против всех, потому что человек слишком часто плохо думает о других. Спонтанно, автоматически, всегда. Ведь если отбросить все маски, которые мы надеваем, все верёвки социальной лестницы, по которой мы карабкаемся, все родственные привязанности, приличия, традиции, иерархию, навязанных кумиров – чем для каждого станут другие люди? Вот по-настоящему – кем? Другие – это презираемая серость и недостойная презрения чернь, удачливые ублюдки, враги и конкуренты, вся эта шваль, разноцветная, но сливающаяся в одну массу. Они окружают, но лиц не разглядеть. Клейма негде поставить ни на ком. Биомасса, лезущая в глаза и уши. Нет для человека другого человека, равного ему. И близкого. Другие – это чужие. Человек равен только себе.

Ветер вернулся и загудел в больших трубах, сваленных на земле, взвыл железным голосом и снова исчез.

А если наоборот – не война, а мир? Не грязь, а чистота и вдохновение? От зверя – к человеку? Увидев мысли других, люди бы поняли, как все мы похожи. Нам нужно одно и то же, каждый рождён для мира и любви. И, наверное, каждая злая мысль сразу бы наталкивалась на бурю осуждающих мыслей со всех сторон и, быть может, от этого исчезала. А у новых поколений – не появлялась бы совсем. Мысли не спрятать, а человек – существо социальное и самолюбивое при этом. Никто ведь не хочет выглядеть скотиной в глазах всех вокруг. Чистота мыслей, чего не было никогда в истории. А без грязных мыслей нет и злых поступков. Рай на земле...

И ещё люди поняли бы, что есть вопросы, общие и мучительные для всех. Вот вопрос для каждого – что останется после меня? Он ведь порождён не страхом смерти, не инстинктивным

стремлением раствориться среди живых, оставить им какой-то отпечаток своей руки и мысли, оставить что-то, сохраняющее труд, тепло, дыхание, и хоть так – уцелеть. Страх смерти – это страх перед грозной неизвестностью, в меньшей степени – перед болью и агонией. Но не более того.

Вопрос продиктован другим страхом, явственным для пронизательных и непосредственных людей древности, а потом забытым... Это страх потери личности после смерти, забвения своего имени навсегда.

Вот настоящий страх, сравнимый с прижизненным страхом безумия, но протянутым в бесконечность. Душа перейдет в мир теней – но будет уже не моей душой, а просто тенью. Бессмертная крылатая душа уже не будет моей, внутри меня. Она улетит и сольётся с чем-то огромным и непостижимым, станет частью одухотворённой природы. А я, сам я, со своим именем, лицом, судьбой, всеми чувствами, делами и мыслями – останусь в разрушенном теле и буду мёртв навсегда. Мёртв, как песок.

Песок... В каждом заклинании египетской «Книги мёртвых» есть слово «я». Человеку, сохранившему свою личность, предстоит встретиться с жестокими богами. Человек при жизни учит заклинания, чтобы вспомнить их потом. Он верит, что сможет вспомнить, что останется собой. «О, Пылающий, я не крал из храмов! О, Разрушитель, я не преступал закона! О, Ломающий Кости, я не говорил лжи! О, Свирепый Ликом, я не убивал!»

Сейчас страх остался, но заклинаний больше нет. Всё проходит и всё не случайно. Ту магическую книгу, которую египтяне называли «Словом вступающего в жизнь», мы стали называть «Книгой мёртвых». Дело не в переводе, а в том, что для них была надежда остаться собой в загробном мире, остаться живыми, а у нас...

Луна взошла над тучами, как белое солнце.

Так что же останется после меня? Что станет отголоском из мира живых, слышным бессмертной душе, вырвавшейся из погибшего тела? Что станет нитью памяти, не рвущейся даже при переходе в другой мир? Не могущей порваться? Что позволит душе помнить, что она – моя душа?

Имя, человеческое имя... Имя и душа. Почти одинаковые слова на древних языках: «онима» по-гречески и «анима» на латинском... Случайно ли это сходство?...

Животные не знают о смерти, они безымянными возвращаются в материю, становясь отпечатками костей на каменистом плато или морскими раковинами на дне высохшего моря, торфом, нефтью, пылью, чем угодно, но оставаясь чем-то осязаемым, переходя из формы в форму, но не исчезая совсем. В этом отсутствии имени – бессмертие. Они – часть вечной природы.

Для человека природа – это дом, но нельзя же считать себя частью дома. Дух возносится над природой. Имя – вот то, что связывает взлетевший дух с покинутым домом. Не безымянный, непредставимый дух, а – лучшая и сильнейшая часть человека. И потому бессмертная.

Далеко уже от сюжета фантастического рассказа о рае на земле. Если бы мысли каждого человека читались другими... А что, если тёмное начало в человеке неистребимо и злые мысли появлялись бы снова и снова, непрерывно? Что, если они неизбежны? Что, если они – естественны? Лезвия в перилах... Что, если на одну светлую мысль набрасываются сотни циничных, жестоких, рвущих мыслей? Путь зла проще и, что, если добрый человек сразу становился бы виден всем шакалам вокруг? Что, если добро, жертвенность, радость творчества стали бы пониматься большинством как исключения, извращения, болезнь, преступление? Переворот морали, власть злых, рухнувшая пирамида человеческой истории.

Кто знает, какие миры мы создаём своими мыслями...

Город, в котором прошло столько лет, казался чужим. Дома сомкнулись и нависали над головой. Нужно идти. Пока человек идёт, смерть не догонит. Она пожирает упавших.

...Ведь есть же это старое учение о ноосфере. Забытое всеми, но ещё звучащее – как сказка. И как предупреждение. Как будто мысли людей образуют невидимую оболочку, защищающую наш мир. Сферу человеческого разума... Ноосфера состоит из всех добрых мыслей, всех истинных знаний, всей жертвенности великих умерших, искусства, морали, служения людям, всего хорошего, созданного всеми. Всего, к чему нельзя прикоснуться руками, но именно поэтому нельзя и стереть.

Разум – природное оружие каждого человека. Дома, дома, тысячи и тысячи людей... Пусть многие не знают, что это за оружие и для чего оно, пусть оставляют гнить его в ржавой воде теленовостей и всех прочих отбросов. Пусть многие – как морские свинки, целыми днями лежащие в своих уютных коробках и жующие свою солому вперемешку со слюнями, чьи мысли не выходят за пределы подстилок. Так было не всегда.

Ноосфера... Какое красивое предположение и поэтому – верное. Она – как атмосфера, защищающая нас от солнечной радиации. Что-то невидимое, делающее жизнь возможной. Надёжная защита от сил зла, ведь оно есть, так чувствуется, что там, где нет человеческого тепла – вечный холод и тьма. Есть они – чудовища, которые просыпаются только в темноте. В мелькании дней притупляется это ощущение, но вот ночью – опять проступает. Ощущение присутствия зла, которое не преодолеть человеку. Беспомощность и жажда защиты.

Во все времена было это ощущение – присутствия рядом неспящего зла. В средневековых публичных банях висели маленькие деревянные крестики на верёвочках, чтобы пришедшие могли снять перед парилкой свои металлические крестики и надеть эти деревянные. Чтобы даже ненадолго не оказаться беззащитными перед силами зла. Дьяволу достаточно секунды.

Если ноосфера существует, то с её разрушением, истощением сферы разума... Приходит царство тьмы. Стужается тяжёлый мрак, ведь только человеческая мысль имеет лёгкость и этот простор впереди – вверх, в открытое небо.

Истончается ноосфера и чёрные силы начинают рвать её и в разрывы проникают адские существа. Проникает беспредельный холод. Нечто, о котором лучше не знать. Ад не может быть пламенем. Это смертный холод и единственная защита от него – человеческое тепло.

Человек снова остановился, вглядываясь в далёкие и близкие окна. Ведь каждое окно, оно же не просто... Оно ведь *чьё-то* окно... За окнами, в их оранжевом или зелёном свете, – жизнь. Быть может, даже любовь, недостижимое счастье любви.

Весь ночной город был – как горящее поле с факелами-небоскрёбами.

Единственный дом одинокого человека – его память. Как же мучительно одиночество... В тёмные века больные чумой расчёсывали до крови, срезали с себя, вырывали с мясом эти проклятые чёрные бубоны на лимфатических узлах, обжигавшие злой болью день и ночь. И получали хоть небольшое облегчение перед концом. Или чувствовали ярость борьбы с чёрной смертью. Лучше чувствовать боль, чем бессилие.

Одиночество приносит не меньшую боль, но что же мне расцарапать в себе, что вырвать из себя, чтобы её приглушить? Что перегрызть зубами, об какую стену сломать свои руки, что сделать? Ничего. Невидимая и безжалостная чума... Только одиночество и только боль до дна души. Господи, неужели это так нужно? Какие тёплые окна домов... И ни одно из них не горит для меня. Кто-то в этом окне, может, заметит меня, но отвернётся – от темноты и холода – к свету и теплу, к своей любимой.

Луна исчезла, словно упавшая в колодец серебряная монета. Тень человека отделилась от фонаря и через несколько шагов снова растворилась в темноте.

Большую часть жизни человек ищет себя. И находит себя в другом. Ищу человека! Чтобы я мог увидеть себя, как в зеркале. И понять, что я есть. Я существую, если кто-то меня видит. Кто видит меня сейчас? Пусть окна домов станут глазами – никто меня не увидит.

Он вдруг почувствовал, как в спину ему глядят чьи-то немигающие глаза. Злые и жадные, как у вампира, впервые учуявшего кровь после столетней жажды. Беспощадно-внимательные, как у тигра, заметившего добычу.

Человек оглянулся. Ни души. Только крыса прошуршала по мусорной куче и скрылась в мёртвой траве.

...Мысли стучали и не было им конца. И не заканчивалась твёрдая чёрная земля под ногами. Всё ушло навсегда. Милосердное свойство памяти – хранить свет далёких дней, но он давно погас. Чёрная поверхность дороги, словно выжженное поле.

Темень кругом, но будто бы отражается ещё на асфальте небо, следы прошедших дождей, все воспоминания, всё, чего уже нет.

Вот и это место... Столько лет проходил мимо, но оказалось, что всё равно шел сюда. Самым длинным, кружным путем.

Вверх было идти тяжело. Ступеней много, как прожитых дней. На каждой хотелось остаться. Одна за другой, по одинаковым ступеням, всё время вверх, не оглядываясь. День за днём... Пройденные ступени исчезали, делая невозможным шаг назад. Железное полотно подрагивало и двигалось под ногами.

На высоте было холодно. Осенняя ночь у догоревшего костра. Показалось, что если закрыть глаза – город исчезнет.

Он долго-долго смотрел вдаль, словно что-то пытался увидеть, опускал голову, но снова и снова с надеждой всматривался вперёд, что-то искал глазами... Впереди была только темнота.

Вот и всё. Подводя итоги... Итоги! Даже в такие минуты в голову лезут казённые слова, эта липкая грязь. К черту всё, никаких итогов!

Жизнь прожита. Так каким был мой лучший поступок? В измученной памяти что-то вспыхнуло и он снова увидел ту солнечную улицу, поворот, красный трамвай.

Девушка перебежала дорогу и у неё каблук застрял в узком трамвайном рельсе. Высокий сапог до колена. Подвернула ногу и упала набок. Перед самым трамваем. Через миг – дрожание земли. Повернулась и оцепенела: трамвай уже нависает. Скрежет тормозов ударил в уши. Не остановить, слишком близко.

Я помню это до сих пор, помню её. Хрупкая маленькая фигура под огромным давящим трамваем. Через несколько секунд – крик, боль, агония. Острая жалость пробила насквозь всю душу. И ужас перед тем, что будет сейчас перед глазами – разрезанное живое существо, визжащее от боли. Резкая чёрная тень уже упала на неё. Не успеть. Господи, не успеть!

Всё равно бросился в эту чёрную тень, под трамвай. Бежал изо всех сил, но как медленно всё плыло перед глазами, как в немом чёрно-белом кошмаре... Неожутимая раньше дрожь земли и такая слабость в ногах... Рванул её на себя, лямка отлетела, обнял, прикрыл собой, перекатился-упал в сторону. Крики с остановки долетели позже. Трамвай вскользь задел плечо равнодушной стальной мордой и, уже безопасный, прополз мимо.

А на мне ещё были наушники... И спокойная скрипичная партия не перестала литься... Нет резче контраста, чем между музыкой и смертью.

Не знаю, лучший ли это поступок... Я просто содрогнулся от того, что увидел, поэтому побежал. Инстинкт. И не было в этом самопожертвования, я просто не мог, чтобы что-то ужасное потом вставало перед глазами. Не хотел нести чувство вины, не хотел быть трусом – в своих глазах. Я хотел жизни для неё или – спокойствия для себя? Как сложно оценить даже один свой поступок... Все поступки – как колодцы, но что там в них...

Если быть честным – человек совершает добро лишь случайно. Так сложно смотреть на других... Не после взгляда на себя, а – вместо. Так сильно и постоянно желание видеть только своё отражение в глазах окружающих, что, если его получается преодолеть – это уже не заслуга человека, а случайность.

Как потом сложилась её жизнь? Горит ли где-то её окно? Не жалеет ли она о том дне? О том, что променяла всего минуту агонии на годы и годы, заполненные... Чем? Что было бы лучше для неё – может, быстро погибнуть тогда? Был ли этот миг худшим в её жизни?

Но к чему эти вопросы... Что они – сейчас? Видимо, до последнего сердечного биения не исчезает эта человеческая мания – задавать вопросы. Некому на них отвечать, вот мысли и мечутся в этом высоком туннеле – от земли до неба. Неважно уже всё...

Одна последняя надежда, никак не умирающая, – на какую-то другую реальность, где ветер наконец утихнет и наступит покой. А душа... Если она есть, ведь всегда чувствовалось, что она есть... Не нужно никаких новых дорог, новых судеб и встреч, ничего. Пусть душа станет просто... тёплым ночным воздухом.

Со всех сторон поднималась беспросветная ночная жуть и только внизу были видны далекие беззвучные огни. Как же страшно на краю...

Природа страха высоты – в отсутствии опоры. Этот страх сродни ужасу землетрясения, когда стремительно уходит земля и нет больше опоры, которая была всегда, с первых дней жизни.

Страх высоты похож на чувство слепого, шарящего впереди руками или палкой, чтобы нащупать опору. Высота страшнее слепоты, ведь слепой ощущает опору под ногами. После шага с высоты – нет опоры нигде.

Пошёл ледяной дождь, последний перед зимой. Шум дождя заглушил последние мысли, в душе была только пустота. Холодный дождь внутри – и больше ничего.

Время – тоже дождь, смывающий меловую надпись на асфальте. Всё, что мы делаем, все наши следы на земле... превращаются в меловые разводы и исчезают.

Ничто уже не имеет смысла. Не о чем больше думать и незачем чувствовать. Какой бы ни была жизнь, наступает миг, когда понимаешь, что лучше всего прожитого – неопределённость.

Осталось лишь... Последний раз вздохнуть и опрокинуть себя в вечность. И пусть она сомкнётся надо мной.

Стало совсем темно, словно ветер задул все огни.

Внизу была пропасть и смерть.

Перхоть дьявола

Утро подкралось незаметно и вдруг поднялось до небес. Туман стального цвета рассеялся, оставив под окнами машину цвета тумана.

Смотрю на часы. Вовремя подали. Подхожу к приземистому гибриду автобуса и танка. «Автобус» – какое нелепое, забытое слово...

Жестом останавливаю дежурного стрелка, вылезавшего, чтобы отдать приветствие. Нельзя отходить от пулемёта, бдительность важнее иерархии. Гетто близко. Чёрные, как будто оплавленные, здания отсюда кажутся миражами, но все знают, какая это реальность.

Над Гетто нависла гряда туч, похожих на гигантские тёмные ступени. Как будто за ночь над разрушенным городом возник новый. Город-призрак.

По контролируемой зоне проехали без происшествий, а перед самой Стеной в крышу вдруг гулко бухнуло, бронированная машина немного пошатнулась и просела. Сильный удар.

Страх всегда опаздывает. Вот он, накатило мерзкой холодной волной. Могло ведь опрокинуть. Где-то на самой границе Гетто сработала самодельная катапульта, врытая в землю. И как точно... Стрелок поводит дулом пулемёта, дал короткую очередь, но в пустоту, никого не видно. Готовность демонстрирует.

Остановились на первом рубеже обороны... Из дота вылезает тяжеловооружённый примат, похожий на стального дикообраза. Называю пароль на сегодня. «Бдительность – основа порядка». Все пароли – не больше трёх слов. Больше примату не удержать в его убогой памяти.

Второй рубеж... Третий... Затем контрольно-пропускной пункт. Не глядя показываю пропуск вверх ногами. Проверяющий скосил глаза, затем почти свернул шею. Притронуться не посмел.

Наконец в башне. Какое облегчение... Нет больше этого ощущения, будто в спину смотрят ненавидящие глаза. Прохожу в бронированную кабину, дверь защёлкивается. Вставляю левую ладонь в нишу, зафиксировалась. На экране сейчас появится вопрос. Скорее всего, что-то из последних речей главы государства. Неправильно закончишь цитату – получишь разряд током. После третьего разряда – задержание для вскрытия личности.

Мигает, что-то нет вопроса. Неприятная процедура, хотя необходимая, конечно. Чужой не войдет. А вот и вопрос, просто детский: «Когда глава государства одержал самую великую победу над мятежниками?»

Чётко отвечаю: «В десятое лето ядерной зимы». Дверь открывается.

Прохожу по внутреннему двору и оказываюсь у подножия стелы «Спираль Эволюции». Какая всё-таки громада... Из железного месива обезьяньих морд выглядывают сначала человекоподобные хари, потом черты заостряются, появляются лица, и чем выше поднимается памятник, тем барельефы благороднее и осмысленнее. И на острой двухсотметровой вершине – фигура Неназываемого. Первый человек. Раскинутые всемогущие руки. Белый мрамор над бронзой, ночная подсветка. Красиво необычайно. Доминанта, маяк. Даже «Игла» в Гетто заметно ниже. Так и должно быть.

На колоссальной бронзовой ленте, обвивающей стелу, выбита мудрая иерархия, установленная ещё до войны. Чуть не подумал – «гражданской войны». Войны людей со всяким сбродом, готовым растоптать государство.

По привычке скольжу взглядом, снизу вверх по стеле, с большими пропусками. Внизу читать противно, как смотреть в кучу свежего дерьма. Чем выше, тем крупнее буквы. На века вырезаны, в палец глубиной.

«Некое существо, тварь, лояльная тварь, существо с номером, существо с именем... примат, подозреваемый... халдей... сотрудник третьего сорта... главный халдей... тень гражданина, гражданин, старший гражданин, государственный деятель... хранитель порядка, глава

государства». Иерархия – самое главное. Первое, чему учат правильных детей. Ежедневное напоминание каждому о цели. Чем выше – тем теплее и безопаснее. Социальная механика имеет свои законы.

Главный вестибюль. Халдеи на входе низко склоняются, чтобы государственный деятель не видел их морд. Хорошо. Лишняя информация мне ни к чему, будет потом всякий мусор крутиться в голове. Морды, может, необычные какие-нибудь. Ещё запомнятся. Или покажется, что восторга и преданности на них недостаточно. Если что-то они думают не то, пятничная профилактика покажет. А то невольно посмотришь в глаза подчинённому, а там – что-то непонятное. Не то чтобы глубина, загадка, но какое-то движение бывает. Не люблю непонятного.

Захожу к себе. Помощница встречает на пороге. Готовая, как всегда. Прильнула сзади, ласково потерлась твёрдыми сосками о спину. Приятно. Но позже. Много государственных дел.

Перед тем, как войти в кабинет, посмотрел на неё сзади. Не та уже, потяжелела... Жопой пол подметает. Нужно менять, бабе за двадцать. Была зелёноглазая фурия, гибкая, как ива. А теперь просто баба. С уставшим, отупелым взглядом, это заметно, хоть и не смеет смотреть на меня, конечно. Надоела. Как её там зовут? Ладно, не самому же говорить.

Прошёл к себе, опустил в кресло, мягкое как перина, потыкал пальцем в информационную панель. Вспыхнула карта.

Значит, так. Отряд «скорпионов» нужно направить в квартал, из которого камень прилетел. И наказать снайперов на Стене, которые сегодня проспали эту тварь. Перевести в питомник на границе с Гетто, пусть каждый день форму поддерживают. Остолопы херовы.

И, конечно, нужно скорректировать снабжение этого быдло-квартала. Бросить камень – почти восстать. Так... Что там по медицинским препаратам, посмотрим. Инсулин – 300 нуждающихся существ. Перебросить поставки в соседний район. Там сколько, для интереса? Ни одного нуждающегося. Ну и хрен с ними. Порядок есть порядок. Пусть натуральный обмен налаживают. Что с продовольствием? Мука, молочная смесь, химволбаса, овощная смесь, гречка, овес, соль... Эти излишества убрать. Комбикорма хватит, пока не поумнеют. Хорошо бы уточнить, в чём есть необходимые микроэлементы, чтобы они могли работать. А то начнутся голодные обмороки и прочая херня, а на заводах и так некомплект.

Загорелась сводка происшествий за ночь. Перед тем как читать, нажимаю кнопку коммутатора.

– Э, как тебя...

– Белла, Ваше достоинство.

– Подготовь распоряжение о поставке в квартал №704 комбикорма из государственных свинокомплексов. По литру на рыло. Из антивандальных автоматов третьего класса защиты. Раздача – с 5 до 6 утра, затем автоматы ставить под напряжение. Трупы не убирать. Ограничения действуют месяц, потом произвести замеры настроений, о результатах доложить мне лично.

Да, ещё. Начиная с завтрашнего дня круглосуточно транслировать предупреждение о недопустимости нарушений государственного порядка. Громкость – максимальная. Частота – раз в минуту.

И ещё. Стрелка из моего экипажа допросить, по результатам признаний профильтровать и перевести в разряд подозреваемых. Снайперов, дежуривших в утреннюю смену на участке Стены у въезда №15, направить на дополнительный инструктаж с использованием электростимуляторов, затем перевести их задницы в инкубатор. Пусть тренировочным мясом побудут. И ещё... И ещё...

– Будет исполнено.

Какой глупый всё-таки был эксперимент с живыми продавцами... Толпа тварей их разорвала в первую же раздачу. И бронежилеты с электрошокерами не помогли. Только государственные ресурсы зря потратили. Отбор, обучение, профилактика, униформа... Зачем нужно

было посылать приматов, со свежим государственным клеймом на лбу? Подобрали бы местных, из числа лояльных тварей. А так... Сколько пальцев рук с отпечатками, сколько глазных сетчаток, образцов клейма оказалось в распоряжении главарей Гетто. И без этого попытки проникнуть за Стену почти непрерывны, а тут такая удача. Немедленно пришлось вводить пятый уровень защиты, пересматривать всю систему идентификации и досмотра.

За всем нужен личный пригляд... Стоило впервые за 10 лет уехать в отпуск к солнечным небоскрёбам, хоть вспомнить, как выглядит светило, здесь ведь всё время полумрак. И сразу такой провал. Виновные вышвырнуты в Гетто, но пятно на департаменте осталось. Может, поэтому и приходится до сих пор ездить по верху, а не в тайном туннеле. Как старшему халдею какому-нибудь. Под обстрелом.

То ли дело – вышестоящие... Зачистка пространства инфразвуком. Толпы тварей, почуяв неясную, но сильнейшую тревогу, разбегаются, а ты едешь как человек. Да ещё в сопровождении – сотня бойцов из «Жала скорпиона». Элита, любимцы Неназываемого. Прошли огонь и воду, годы зверских тренировок. Стрельбища, обкатка в живодёрне, практикумы в Гетто, физподготовка на пределе любых возможностей. Вроде недельного бега тройками. Семь дней непрерывно бегут, ночью двое несут на бегу спящего, потом меняются. Идеальные солдаты. Никогда не знали женского прикосновения, ничего не жрали вкуснее молотых костей, равнодушны ко всему, кроме боя. Живые машины, люди из стали. Ни одной невыполненной задачи со времени возведения Стены. Даже в Гетто гибнут редко.

Итак, сводка происшествий. Какой была эта ночь?

Взрыв на заводе химических реагентов. Пострадавших нет. Но посланная бригада зачистки не вышла на связь.

Патрульный ранен стрелой из арбалета. Жаль, что ночные облавы невозможны. На рассвете уже поздно.

Сбой в системе защиты: лояльная тварь прошла первый уровень. Задержана, проводятся мероприятия по выяснению деталей.

Атака самодельного планера на ретранслятор...

Двое граждан в разговоре называли тварей людьми...

Выявлена недостача в лаборатории... Здесь нужно будет лично разобраться. Как я буду без психотропных препаратов проводить государственную политику?

С этим все. На редкость спокойная ночь, не к добру.

Теперь – проконтролировать забор биомассы из Гетто. Лучший способ оценить эффективность пропаганды. Надо спешить изо всех сил, времени остаётся мало. Если не превратить хоть половину из многомиллионного населения Гетто в лояльных тварей, будет новый штурм Стены и даже «Жало скорпиона» не спасет. В прошлый раз остатки газа помогли, а сейчас... Задавят массой и разорвут. Настоящего оружия у них нет, но это в ближайших кварталах. А за 500 километров от Стены? А в катакомбах? Никто не знает, что там. Может, в них собираются орды тварей, готовясь пойти на последний штурм? Такое чувство, будто кольцо сжимается. Как будто они облепили Стену со всех сторон и высасывают воздух и жизнь. Душно.

Повреждённый ретранслятор... Из жалких двух сотен... Государство их просвещает непрерывно, но не всё получается. Далеко не всё.

Хорошо ещё, что удалось тогда настоять, чтобы пойманных тварей не убивали, а после обработки выбрасывали обратно. Хорошая иллюстрация наших возможностей.

Да, чуть не забыл. Нужно ещё открыть для свободного доступа уходящие в Гетто стоки мусоропровода – чтобы твари видели, чем питаются граждане. Действенная мера. Количество лояльных всегда возрастает. Да и кандидатов в приматы немало отбирается.

Мигает информационная панель: забор биомассы произведён успешно, улов есть. Нужно пойти и лично посмотреть.

Коридор в лабораторию проходит мимо живодёрни. Давно на руководящей работе, но никак не привыкну к этому запаху.

Что здесь у нас? Поймано восемь тварей. Запущено их сканирование. Смотрю через стекло. Туловища поблёскивают после санобработки. Извиваются, выгибаются, мордами мотают. Представляю, какой был бы шум, если бы им рты не заткнули. Реакции в норме. Болевой порог у них обычный, результаты тестирования не будут искажены.

Вот наконец итоги, вполне укладываются в статистику: в среднем 70% реакций связаны со страхом и болью, ещё 20% – со злобой, остальное – мешанина, мыслительный мусор из обрывков пропагандистских установок, рекламы государства и чего-то бессознательного, вроде заботы о потомстве.

Но есть одно исключение – совершенно бешеный социопат, почти лишённый страха. Весь в ожогах, наверное, участвовал в последнем штурме Стены. Скверно. Раньше такие попадались редко, теперь – при каждом заборе. Жуткое существо из глубин Гетто, стальные крепления грызет. Даже за бронированным стеклом как-то неуютно. Только безмозглый примат может назвать это существо человеком. Его уничтожить, мозг – на исследование. Остальных привести к нейтральному состоянию и вернуть обратно.

Возвращаюсь к себе и работаю, работаю до изнеможения. Всё требует личного участия...

Мельком взглянул в окно, уже сумерки. Над Гетто – гряда темных облаков. Что там под ними...

Вечерний доклад господину, поставлены задачи на завтра.

Ну наконец-то день закончился. В башне напротив погасли окна. Можно подумать о себе. Нажимаю на кнопку, она заходит...

Сначала неплохо, а потом как-то... Не знаю, не та она стала. Взлохмаченная, губная помада размазалась. Раскраснелась, страсть изображает. Надоела.

– До завтра, киска.

– Хорошего вечера, Ваше достоинство.

Поглаживаю себя по вспотевшему животу, выхожу из лаунж-зоны и нажимаю кнопку. Появилось подобострастное лицо:

– Ваше достоинство?

– С завтрашнего дня пропуск моей... помощницы считать недействительным. Подбери десяток претенденток на вакантное место. К подавальщицам в «Бочке» присмотришь. Отобранных проинструктируешь и пришлешь к началу рабочего дня.

– Будет исполнено.

В последний раз захожу к себе. Смотрю в зеркало. Постарел как... Запавшие глаза и взгляд...

Боже, какой страшный, не мой взгляд! Нет!

Кто-то смотрит на меня... Пристальный, ощупывающий всю душу взгляд. Давящий так сильно, что не пошевелиться. Не оторваться, нет сил. Как будто кто-то невидимый, не что-то, а Кто-то, обладающий силой и волей, стремится вырваться оттуда, из зеркала, прорвать твёрдую блестящую амальгаму и... Оно хочет дотянуться до меня... Отталкивающий, отвратительный до смертного ужаса, но такой властный, притягивающий взгляд...

Свет гаснет и снова включается. В зеркале только мое лицо. Показалось... Это просто тревожная ночь. Холодный пот стекает по вискам. Ноги не держат.

И душно как... За окнами мрак, вот вспыхнули и погасли прожекторы у Стены. Следующая вспышка – через двадцать секунд. Одна, две, три... Немного прихожу в себя.

Внезапно ослепляющим светом загораются два прожектора, направленных прямо в меня. Страх всплёскивается бешеной злобой. Кто посмел светить в башню хранителей, ублюдки? Боже, это не прожекторы, а тот же взгляд в упор, со стороны Гетто... Такой сильный и ненавидящий, словно готов заживо содрать кожу... Исчезает снова.

Вдруг снова вспыхивает – видна верхушка Стены и что-то качается за ней, словно черная волна, вот-вот перехлестнёт через край. Цунами поднимается над Стеной, огромная волна из тварей, идущих на штурм, и уже видны их дьявольские хари с поблескивающими в темноте глазами. Всё исчезает...

Не могу оторвать взгляд от окна. Только бы не смотреть... Вот прожекторы загорятся снова и вдалеке появляется новая галлюцинация – какой-то мост и застывший на нём человеческий силуэт.

Где эти грёбаные таблетки, я просто с ума схожу... Рассыпались по полу... одна, две, три. Отпустило... Никого. Просто устал. Устал. Всё спокойно. Светло. За окнами вспыхнули прожекторы, осветили Стену и погасли. Снова вспыхнули и погасли. Темень за окном. Но...

Кажется, что стало слишком темно, будто окна замазаны снаружи чёрной краской. И даже здесь, в свете электричества воздух как будто темный. Тревожная панель, диван, потолок... Все расплывается... Воздух слишком тёмный, свет ламп еле пробивается. Как сквозь дым, марево какое-то. И будто ещё сгущается... На самом деле сгущается!!! Или снова кажется? Нет, что-то происходит! Что?! Пожар? Отравили? Что это?! Голова кружится. Пол уходит...

В ноздри вползает какое-то вещество, сладкое, но с колющими иголочками... Это же химическая атака!!! Откуда, как?! Ужас сжал горло, не вздохнуть... Недостача в лаборатории... Дотянуться до панели... Тревога, тревога!...

Бросаюсь к окну, бью ногой, стекло вылетает. Высовываюсь, изо всех сил кричу: «Ко мне!!! Тревога!!! Тревога!!!»

Движение сбоку – это тварь! Тварь в башне хранителей! Никогда не видел её так близко и без стекла... Смотрит прямо на меня! Сейчас бросится! Тревога, тревога!!!

...И вдруг – яркий свет. Туман рассеивается и оскалённая тварь превращается в человека. Знакомое тёмное лицо, широкий кривой нос. На светло-коричневой щеке – белые следы от оспы. Будто кто-то притронулся кончиками ледяных пальцев и эти метки остались навсегда. Человек улыбается.

– Твою мать, Нил... Это ты?

– С возвращением, брат.

Картинка окончательно прояснилась. Вокруг – знакомый люкс, отделанный в стиле пафос-модерн. Диваны из элитной кожи, хрустальный столик с бутылками кофейной текилы, выгнутый плазменный экран во всю стену, ароматный табачный дым колеблется в мягком свете. Панорамные окна до пола, одно разбито.

– Твою же мать... Как меня вставило, ты не представляешь!

– Представляю, пробовал. Хороший порошок. Мощный психоделик, причем органика, не синтетика очередная. Говорят, мексы откопали в своих джунглях. Или пустынях – хрен их знает. Новинка рынка.

В кресле напротив сидел приятель – известный бизнесмен по прозвищу Белый Нил. Человек с безупречной репутацией.

Нож судьбы

*«Кровь моя холодна. Холод её лютей
Реки, промёрзшей до дна. Я не люблю людей»*

Кто-то из покойных конкурентов дал ему это географическое прозвище, отсылавшее к синей полоске на севере Африки и древней цивилизации, утонувшей в песке. Настоящая его фамилия была непроизносимо сложна; западное имя дал ему отец, увидевший, что седьмой сын светлее своих многочисленных братьев.

Белый Нил прошёл большой путь и завершать его пока не собирался. Его жизнь могла бы стать сюжетом кинофильма на популярную тему «из канавы во дворец», если бы в ней не было нескольких спорных, с эстетической точки зрения, подробностей. Впрочем, вся жизнь состоит из подробностей, их мешанину не уложить в сценарий. Биографическое кино могло бы быть правдивым только в одном случае – если бы длилось не часы, а десятилетия.

Он был одним из сыновей вождя клана, правящего в далекой, одуряюще жаркой и нищей африканской заднице, забытой или проклятой всеми богами, куклами вуду, священными рогами и духами предков. Папаша прислал наследника для получения высшего образования в холодную страну белых людей, оставшуюся в памяти папаша великой бесплатной державой.

Через пару месяцев новоиспечённый студент, освоивший несколько матерных фраз на местном языке, оказался в... сложной жизненной ситуации, воспользуемся удобным штампом. Власть на родине сменилась, из шкуры старого вождя сделали удобный барабан, братья канули в межплеменном побоище. Денег не стало и не предвиделось. Пытаться искать вчерашних своих – значило пытаться пойти путём отца.

Обнаружив новые обстоятельства, ректорат и администрация общежития (гордое название, обозначающее тещу декана, восседающую в бардаке) указали студенту на улицу.

Сердобольные соседи по этажу налили ему напоследок водки и все проблемы стали несерьёзными. Но с неумолимостью настало утро, в котором он оказался без документов и чемодана. В котором единственным его капиталом было мерзкое ощущение помойки во рту и ещё тошноты от удара под дых, полученного от охранника, проводившего за проходную.

Начало зимы, продирающий холод, ни крыши, ни родных, ничего и никого. Холодная чужая страна. Непредставимо большое пространство, в котором некуда идти.

Юноша не избрал очевидный путь колоритного бомжа, собирающего у зевак мелочь на вечную дорогу домой. У юноши оказался ум и характер.

Глухими закоулками и дворами, долгими кругами он уходил дальше от центра города, обходя широкие проспекты, избегая полицейских. Недавно совсем в городе говорили о «деле мясников» – полицейских, распродававших бездомных на органы. Он не понял подробностей этого дела, но инстинктивно чувствовал опасность, исходящую от людей в форме, стоящих на перекрёстках и у станций метро или внезапно возникавших по двое-трое.

Вглядываясь в лица людей, он смутно понимал: его молодость и здоровье – это товары, имеющие цену, и могут быть отобраны у него более сильными. Дальше и дальше от больших шумных улиц, там водятся слишком крупные хищники.

Дальше от ярких проспектов, блеска и роскоши ночного города, от чистых кварталов, дорогих сияющих машин, сытых прохожих, надменных недоступных женщин. Дальше, к окраинам, не встречаясь ни с кем взглядом, пригнув голову, быстро, не останавливаясь. И ещё дальше от людей, мимо уродливых многоэтажек, мимо железных бочек с горящим мусором, у которых греются бездомные, мимо пустырей, через насыпи железнодорожных путей, стихийные свалки со стаями собак, заборы, трущобы, колючую проволоку, все эти лабиринты из камня, железа и плоти.

На глухой окраине он нашел заброшенный дом с чудом уцелевшими окнами. Доски и фанера вповалку лежали под ногами, рулоны утеплителя догнивали в подвале. Он соорудил себе лежбище и заполз в него до утра. На следующий день голод выгнал его во внешний мир.

Сильный и неутомимый, он присматривался и принимался ко всему, впитывая девственно чистым сознанием всё полезное для жизни. Он чувствовал себя молодой гиеной, ищущей добычу. И он обнаружил возможности. Они были повсюду.

Ему попадались лежащие на земле беспомощные пьяницы. Почти у каждого при себе была горсть мелочи или даже несколько смятых купюр. Они могли только мычать, едва шевеля слабыми руками, пока он их обшаривал.

У некоторых домов были установлены автоматы по продаже молока, обычного и шоколадного. Он отследил, когда из них забирали деньги. Потом ночью обошёл автоматы и забил тряпками щели, через которые высыпалась сдача. Покупатели, сунув купюру и получив бутылку, мелочи не дожидались. Она звенела внутри, но в лоток не высыпалась. Матернувшись и стукнув по автомату, они уходили восвояси. Подождав, можно было подходить, вытаскивать тряпку и собирать железные деньги.

В непроходимых дебрях спальных районов стояли ископаемые ларьки с водкой и шоколадками. За толстыми решётками день-деньской сидели сонные бабы-продавщицы. Наступал вечер, они закрывали ларьки, чтобы идти домой. Закрывали, поворачиваясь спиной. Однажды он решился, неожиданно выскочил сбоку и втолкнул продавщицу обратно, схватил за волосы, ткнул в решётку и ударил сверху. Потом схватил несколько бутылок, каких-то упаковок и убежал. А потом повторил то же самое ещё в трёх ларьках, уже не так торопясь.

Эта была трудная зима. Память о ней осталась и всегда была с ним. Потом, когда всё закончилось, каждый взгляд в зеркало возвращал эту зиму.

Как-то вечером, возвращаясь в подвал, он наткнулся на группу бритых уродов с кастетами. Размахивая какими-то цветными тряпками и что-то неразборчиво крича, они окружили его. Первым же ударом ему сломали нос, вторым разорвали губу, кровь заливала лицо, враги казались красными и бесплотными, он бил кулаками воздух и не мог попасть в них. Краешком уходящего, чернеющего сознания он понял, что падать нельзя, это конец. Он бросился головой вперёд, продрался через кольцо и бежал изо всех сил несколько невыносимых задыхающихся долгих минут. Наконец он остановился и повалился лицом в обжигающий снег.

Следующий день был изматывающим, неподвижным, голодным, наполненным только болью и ненавистью, и снова болью. В сумерках, ртом хватая воздух, он с трудом вышел из подвала. Приближалась ещё одна кромешная ночь. Темнота наступала и только снег белел под неподвижным небом. В снегу лежал небольшой тёмный предмет. Он поднял его и поднес к глазам.

Это был старый грязный напильник. Ржавчина проступала, как кровь, и какие-то знаки были глубоко вырезаны на серо-чёрной шершавой поверхности, и словно углубление для большого пальца было вдавлено в сталь.

Он осмотрелся по сторонам. Что-то неуловимо поменялось в самом воздухе, в тишине вокруг и темнота стала другой. Неожиданно он почувствовал странное, смутное чувство, как будто изменился весь мир, в нём появились смысл и надежда. Боль пройдет и ночь не будет длиться вечно. Что-то необыкновенное было в этом куске стали, в этой единственной вещи, что-то скрывалось под её поверхностью.

Напильник не хотелось выпускать из рук, нужно было всё время держать его, сжимать, чувствуя, как стальная крепость передаётся пальцам, как рука становится тяжёлой и твёрдой. Взрослой, мужской рукой. И не было больше страха, огромный мир лежал рядом, и в этом мире можно было драться и побеждать.

Всю ночь боль не давала уснуть и холод вползал в подвал. Неясные мысли проступали из темноты. Только напильник тускло блестел на грязном бетонном полу.

Он взял напильник и стал обтачивать его об кирпич. Когда кирпич развалился, он взял другой обломок, потом нашёл острый камень, обломок трубы, ещё один...

Несколько месяцев он делал продолжение своей руки, своего защитника и кормильца. Ржавчина исчезла, стальной четырёхгранник через сотни медленных часов превратился в узкий тяжёлый нож, резавший фанеру, как папиросную бумагу.

Делая кормильца, он стал самим собой, бесценные качества были скрыты внутри и вдруг проявились: упорство, аккуратность, малочувствительность к раздражающим звукам извне, отсутствие мыслей, мешающих двигаться к цели. Он вышел с ножом на улицу, чувствуя себя непобедимым.

Потом были несколько дней неудачной охоты в чужом районе и вот наконец он заметил одного из тех бритых уродов. Тот был не один, проверку ножа пришлось отложить. Компания потыкала в домофон, вошла в подъезд, на втором этаже зажёгся свет, зашумели, затопали, заорали под музыку. Перед рассветом всё затихло. Он набрал трёхзначный код и поднялся на второй этаж. Полная тишина, только гудит треснувшая лампа над лестницей. Чувство уверенности и предвкушения. Чувство близкой добычи. Ни тени страха. Он не один.

Длинный, требовательный звонок. Ещё, ещё, ещё. Сначала – только пронзительный звук звонка, потом – шевеление и ругань за дверь. Спотыкающиеся шаги. Резко – в сторону от дверного глазка, не переставая звонить. Наконец урод с матюками вывалился на площадку, щурясь от тусклого света. В клочке шерсти над майкой застряли какие-то крошки.

Нож вошел неожиданно легко и урод с выпученными от удивления глазами стал оседать на пол.

Сколько раз ещё видел это удивление... Так удивляются, будто считали себя бессмертными. Никто не может представить мир без себя.

С первого раза он научился всему. Интуитивно понял, что бить нужно под сердце. Прямо в сердце не стоит. Нужна не мгновенная лёгкая смерть, а чувство смертного холода под сердцем, и только потом – боль, удушье, темнота, уходящая земля. Должна быть пауза перед концом. Для понимания жертвы, с ужасом в глазах отдающей свою жизненную силу. В этом всё дело – в страхе другого, который делает сильнее. В последнем взгляде уходящего, оставляющего всё.

С тех пор он двигался к тому, чего хотела его душа. Он искал и находил, сразу чуя этот неповторимый запах страха. Ещё лучше – сочетание запахов страха и денег. Не только удовольствие, но и пожива. Сначала как голодный зверь, потом, насытившись, – как утончённый парфюмер, он искал сочетание этих запахов. Оно встречалось часто, почти каждый день...

Вот какой-то толстяк в дорогом пальто идёт от остановки. Расхристался, брюхо вперёд, портфель в руке. Брюки мятые, рожа уже раскраснелась, хорошо посидели на работе, а впереди ещё выходные. За ним. Вот и подъезд. Фонарь не горит и толстяк долго не может выудить из портфеля связку ключей. Ставит его на землю, наклоняется и тут же выпрямляется. Добрый вечер. Вздрагивает. Недоумение. Ошалело смотрит. В глазах – надежда, что спросят закурить. Просто закурить! Нет, не за этим... И вот он, страх. Его ни с чем не спутать. Беззвучный вопрос и ответ. Меняю этот вечер и много других вечеров на твой бумажник. Смотри, какая штучка у меня, холодная и острая, правда? И видно ведь, что я знаю, как это делается? За полминуты истечёшь кровью, как свинья. Ты быстро понял. И сам не посмотришь мне вслед. И завтра же купишь бесполезную травматiku, и поставишь вторую железную дверь, но это будет завтра.

Почти каждый готов биться за себя, за своё имущество и достоинство. Готов, но как-то теоретически, в принципе, в искусственных ситуациях, создаваемых раздутой самооценкой. А если прямо сейчас? Готов к не испытанной ещё боли и вытекающей прочь твоей единственной жизни? Готов к темноте? За которой... Ладно, пусть каждому по вере, если у кого-то она ещё копошится на дне души. Но не когда-то потом, а через секунду? Взгляни в темноту прямо

сейчас. Так и есть, не готов. Был бы готов – даже твоя походка была бы другой. Если не готов сейчас – никогда не будешь готов, жалкий убудок.

Всегда, когда он работал, в его голове звучали такие слова, этот спокойный, уверенный голос, словно какой-то дух стоял за спиной. Добрый, помогающий дух, подаривший любимый клинок, а вместе с ним – силу и удачу. Дух, появившийся из ниоткуда и никогда его не оставивший.

Медленно, но неуклонно Белый Нил пробивался в люди, поднимался из волчьей ямы, вырытой судьбой. К концу той зимы стало легче, появилась надёжная крыша над головой, снятая у одинокого алкаша, переехавшего в утеплённый гараж. Он понял, что с людьми можно легко договориться, если сначала показать деньги.

Следующей зимой ему повезло оказать мелкую услугу владельцу павильона на вещевом рынке, на которого наехали со стороны. Потом он стал известен людям, делающим дела. Молчаливый, не брезгливый, толковый, исполнительный.

Успешно выполнял их поручения: от простых к сложным, от грязной работы – к достойной. Личностный рост одновременно с профессиональным. В памяти всё перемешалось, все события слились в одно ежедневное карабканье наверх. Он крышевал мелкие точки, торгующие китайским барахлом, носил передачи, подбирал на улице бесхозных пьяных шалав и сдавал их для употребления всем желающим, смотрел за расстановкой инвалидов-попрошаек в людных местах, был одним из вооружённых аргументов в бизнес-переговорах, перевозил товар, отжимал долги, исполнял приговоры, калечил в назидание другим, участвовал в войне кланов... После войны целиком перешел на спокойную сутенёрскую работу, потом она стала побочным бизнесом.

Со временем легализовался по-нормальному. Однажды обнаружил, что свободно говорит на языке этой страны, потом понял, что и думает на нём. Все эти двадцать лет он непрерывно приобретал опыт и связи, чувство опасности, нюх на подставы, людей, события, все навыки, помогающие жить.

Окончательно поднялся и открыл своё дело. Добился успеха, стал коммерческим партнёром государства, приобрел статус, внешний лоск, элитные привычки и вкус к дорогим женщинам и вещам. Уважаемый человек... Убрал всех, кто мешал, остались друзья и клиенты. Впрочем, это одно и то же. Жёстко зачистил все жизненные пути. Лишь одного из конкурентов в открытом гробу отпевали. Повезло ему – удар хватил, когда бригада косметологов уже подъезжала.

Белый Нил никогда не забывал, откуда он. И не терял хватки. Бизнес, да и жизнь вообще, похожи на ползание по стене. Используй малейший выступ, смотри перед собой и вверх, цепляйся. Остановишься – навалится усталость, ослабеешь и сорвёшься. Не задумывайся, действуй. Подумаешь о другом, утратишь концентрацию, забудешь, что стена скользкая – сорвёшься. А внизу... Там он уже был.

А здесь, на высоте, под столичными облаками, – роскошь президентского люкса, дьявольски вставляющий порошок, как вершина чувственных удовольствий, и морда влиятельного приятеля, которая завтра будет крупным планом на всех телеканалах, а сейчас пускает слюни, возвращаясь из подаренного тобой путешествия. День лучше, чем казался вначале.

Утром была неприятная телефонная беседа. Один из постоянных клиентов в конце разговора мельком отметил плохое качество партии товара. Это был клиент из тех, с которыми приходилось быть вежливым и внимательным. Оба собеседника знали расстановку сил и правила игры. Незначительное замечание, брошенное вскользь, было проверкой. Проверкой уважения. Серьёзные люди не повышают голоса. Нельзя не заметить и не принять мер.

Нил выразил обеспокоенность происшедшим, пообещал всё уладить и впредь не допускать. После этого, со скоростью гроссмейстера просчитав цепочку причин и следствий, пригласил

сил на личное собеседование одного из курьеров вместе с товаром. Через полчаса втолкнули в кабинет. На лице курьера – следы хорошей жизни. Сейчас посмотрим.

Разорвал пакет. Широкие ноздри исследовали содержимое. Язык слизнул пыльцу с тёмного пальца. Так и есть – дорогая нигерийская дурь умело смешана с дешёвой казахской.

Глубоко сидящие глаза цвета оцинкованной жести посмотрели на курьера. Увидев в ответном взгляде всю полноту чувств – от ужаса до животного страха, Нил вежливо попросил поставщика подойти поближе и показать вены. Просто для контроля, мои люди должны быть умнее и чище клиентов, потребление тяжёлого товара запрещено. С секундным облегчением, не укрывшимся от босса, курьер протянул руки вперёд. Ближе! Ещё ближе. Ещё, говорю.

Курьер подошёл вплотную и тогда Нил неуловимо быстрым движением выхватил нож и прибил его ладонь к столу. Сталь легко прошла сквозь кость и дерево. Кровь брызнула в глаза, свободной рукой Нил достал платок и привёл себя в порядок. Затем, не переставая сжимать безупречно гладкую рукоять родного ножа, начал методическую беседу.

Стиль неторопливой беседы был близок к сократовскому: поиск истины ведётся совместными усилиями, главное – задавать правильные вопросы. Нил тщательно формулировал проблему, пытаясь найти разумное зерно в криках собеседника. По завершении мероприятия, оказавшегося обоюдно полезным, Нил отдал необходимые распоряжения и углубился в изучение конъюнктуры рынка, а куча воющего дерьма, ещё полчаса назад бывшая уверенным в себе молодым предпринимателем, была отволочена на ближний пустырь и смешана с землей...

– ...Мать твою, Нил. Я чуть не сдох на выходе из трипа!

– Да ладно тебе. А мне понравилось, я в трипе был вообще всемогущим. Это же компьютерная игра: нужно долго развиваться, убивая мелких тварей, и нарастить потенциал. В общем, всё как в жизни. Хороший препарат. И называется необычно: «Перхоть дьявола».

Самая яркая звезда

– Caspa del Diablo. Был недавно в Мексике на празднике мёртвых, взял немного для друзей, – включился в разговор третий, брюнет без возраста, с аккуратной бородкой-испанкой, длиной в десятидневную щетину. Он привычно разворачивается, словно для лучшего ракурса перед телекамерами.

А я почему-то вздрагиваю, словно он только что появился в номере. И ещё появляется это дурацкое обывательское чувство, когда так близко видишь телезвезду. Растерянность, смешанная с удивлением и обожанием.

Только мысль о собственных немалых достижениях позволяет вскинуть голову и вести себя небрежно. Да, он мировая знаменитость. Но я ведь принадлежу могущественной системе, у меня положение и связи. Мы не на равных пока, но он меня уважает...

И есть ещё абсурдное, глупейшее ощущение, будто он был в трипе вместе со мной, видел всё моими глазами. Как будто насмешка мелькнула за стёклами его очков.

Брюнет снимает тёмные очки, улыбается, показывая идеально ровные белые зубы, и это ощущение проходит. Бывают люди, притягивающие настолько, что не оторвать взгляд. Вот действительно – магия присутствия. Великий актёр, не скованный рамками театра.

Он необычайно красив какой-то утончённой мужской красотой, у него чёрные глубокие глаза, в которых светятся ум и понимание всего, но и какие-то колючие, стальные чёрточки проглядывают. Наверное, никто не хотел бы увидеть его в ярости.

А так – взгляд удивительно располагающий, такое ощущение, что смотрит на тебя как бы из зеркала, проглядывает в выражении его глаз что-то своё, очень близкое, даже родное.

Большой эстет и модник, сегодня в блестящем костюме цвета нефти. Сидит, как вторая кожа. Даже как первая. Любитель антиквариата. Вот и сейчас – с тростью чёрного дерева, с набалдашником из кости: лев, держащий в пасти ягнёнка. Лев – как настоящий, каждый клык видно. Просто живой. Смотрит злобными глазками в упор, как на добычу. Тончайшая ручная работа. И выглядит это не вызывающе, а естественно. Просто есть у человека дорогая и стильная вещь, ничего особенного. Взял не глядя перед выходом из дома.

Стиль во всем, дорогой и редкий. Начиная с невероятного имени или псевдонима, кто знает, с изысканным и протяжным голландским звучанием – Теодор Велизаар.

Теодор снова надел тёмные очки, на всех фотографиях – в них. Интересно, хоть одна из толпы любовниц-фотомоделей видела его глаза? Ходят слухи, что это ему нужно для мистификаций, чтобы двойникам было проще работать. Не может же он сам быть одновременно в стольких местах? Даже если слухи верны и он никогда не спит. Ведь он не только основатель лучшего медийного проекта десятилетия – «Альфа-канала». Рейтинги запредельные, реклама – по сотне кусков за секунду, весь истеблишмент в очереди стоит, чтобы попасть к нему в прайм-тайм.

Он... Как-то везде. В медийном бизнесе, иногда на десятке телеканалов сразу, все главные гляцевые журналы под ним, фэшн-проекты, легендарная уже торговая марка «Аваддон», как хобби – деканство на журфаке, любит с молодёжью работать, а ещё ведь киноиндустрия, промоушен боев без правил, фармакология, сеть государственных борделей, спонсорство всего на свете, благотворительность, Академия новаторской экономики, бешено популярные курсы ускоренного развития личности... Везде и всюду.

Карманных банков штук пять, всех биржевиков держит, как ручных мышей. Невероятное какое-то у него количество бабла, наверное, он и сам не помнит, сколько у него особняков и лимузинов. Все топовые спорт-кары уводит прямо с премьер, не успевают ценники отклеить. А связей – ещё больше, чем бабла. И как же чувствуются деньги, влияние, власть – в каждом

его жесте, как будто и этот люкс, и весь премиум-отель, и город целиком со всем населением принадлежат ему. Недалеко от истины.

Откуда он взялся – вот вопрос. Несколько лет назад его совсем не было. А сейчас невозможно представить без него ни один громкий проект, ни одну значимую тусовку. Ведь как обычно бывает? Появляется кто-то, сначала по большому кругу пробивается, потом всё ближе к элите, нужно помелькать, стать привычным, оказать услуги кому надо. А он возник из ниоткуда и сразу стал всем известен, всюду вхож: фото с Вождем на охоте, «Человек года», бренд-мастер года, почётный академик и понеслась.

Конечно, красив и богат необычайно. При этом – насколько обаятелен, прост, доступен. Лёгок, находит общий язык с любым, даже сбродом, как тогда, в массовых беспорядках. Толпа безработных с арматурой шла громить новый элитный квартал. Он вышел без охраны и говорил с ней, толпа слушала его, как любимого певца, пока спецназ кольцо выстраивал.

Но – откуда он? Сам скромно говорит «с Востока», но Восток большой. Акцент небольшой есть, но ведь сколько языков он знает – в голове не помещается. Вообще без переводчиков всюду шпарит как на родном.

И нет, конечно, такого журналиста, чтобы его биографию раскопал. Все давно всё поняли. В тот день, когда главный мафиози страны сначала к нему пришёл с визитом (двумя собственными ногами прошёл целый километр по поместью, обходил накрытое в зиму поле для гольфа, не смея наступить на краешек и помять! И это тот самый железномордый амбал, который может собачью упряжку сделать из членов парламента и по всему городу разъезжать на ней, никто не вякнет). Сначала к Теодору пришёл мафиози, приполз на полусогнутых, а потом только поехал к Вождю орден получать ко дню рождения.

Откуда же он взялся... И врагов у него нет, все любят безмерно. Кто-то раньше возникал, но как-то... Сразу в автокатастрофу, причем резонансную, прямо в телекартинку, как тот банкир, сгоревший в своей машине посреди центрального моста. Жутковатое зрелище было, с вертолётá снимали репортеры «Альфа-канала», они всегда первые, где нужно. Как будто он не мог никак ремень отстегнуть, что-то заклинило. И горел долго, минут пять, визжал и выл так, что телекартинку дали без звука, рвался, бился, но всё бесполезно. Только из-за ремня, дверь от удара раскрылась. За бронированной дверью ничего бы не видно было, но тут всё срослось, как будто специально для репортажа.

Или тот... Вот уже и забыл, как его, ещё один продюсер. Миллионер, перспективный, в премьеры рассматривался. А сдулся мгновенно и по-грязному. Дело завели – совращение несовершеннолетних, накрыли сразу, ещё улики не остыли, засунули в обычную зону (чиновника высокого полета, миллионера со связями, как это возможно вообще?), а там он через пару дней башку себе размозжил об стену. Сам бился башкой, пока не сдох. Никто не помогал. Доказанное самоубийство. Не самый лучший способ отчалить. И вот как-то так со всеми... А кто-то исчез. Вот вчера ещё был везде, а потом – раз, и всё, как сквозь землю провалился. Да какое там! И под землёй бы нашли при современных технологиях. Просто – исчез навсегда.

А сколько же у него идей! Беспеременно во все стороны фонтанирует гениальными идеями, а в любом бизнесе ему нет равных. Вроде той штуки с церковниками. Купил у них за большие деньги кресты на куполах церквей в центре столицы. Церквей двадцать-тридцать, причем выбирал из стоящих недалеко друг от друга, по каким-то своим соображениям. Не продали бы никогда, ретрограды чёртовы, но он гарантировал, что не стронет кресты с места, не закроет ничем, всё будет видно. В чем подвох? Зачем это ему? Никто и не догадался. Ну, чудит – подумали. Крыша поехала от бабла. Абсурдная сделка. И подписали. А он взял да и натянул между крестами многометровые рекламные баннеры «Альфа-канала» и много чего ещё из своего хозяйства. А над главным храмом целый аэростат подвесил, с фэшн-брендом «Аввадон». Броско – обалденно. И в таком месте! Билеты, чтобы сидеть на новогодней службе перед этим

их центральным киоском, как его, алтарём, по должности положены министрам и выше, народу вокруг прорва. Статусное мероприятие.

И не прикопаешься! Кресты на месте, он – собственник, а воздух – ничей. Правозащитники и прочая шваль взвыли, пасти пооткрывали насчёт искажения исторического облика, культовых сооружений и прочих архитектурных доминант. Моральный ущерб типа. Да кому?! Совались в градостроительный кодекс и в законодательные окрестности, заболоченные, как берега Миссисипи, а там всё чисто. Вроде какие-то запреты и были, но изменения, дополнения, поправки к поправкам, и как-то стёрлось все. На прошлогодней осенней сессии исчезли. Ни одного запрета не нашли, как корова языком слизала.

В общем, поезд ушёл. Силы неравны, юридическая чистота – как в римском праве (он, кстати, ещё и большим знатоком латыни считается). Если это – не гениально, то что гениально? Сотни лет стояли эти бесполезные постройки, не принося ни цента, и вот – на тебе!

И ведь всё это придумано до того, как появились первые подвижники духовного бизнеса, до основания церковниками банка «Приход», единственно спасительного банка (реклама у них ничего, запоминается), до всех этих простых решений! Гений прорубил дорогу и толпы пошли по ней.

И какая смелость, какой охват! С любой смотровой площадки сейчас – эти баннеры во главе с аэростатом. Его город.

Теодор со вкусом затянулся потрескивающей сигаретой и снова заговорил своим необычным, низким, вкрадчивым с опасными нотками, сводящим женщин с ума, каким-то аристократическим, благородным голосом:

– Знатоки говорят, что порошок имеет мировоззренческое значение. Познай, типа, самого себя. Все комплексы, тайные страхи и желания проступают наружу. Собственно, в трипе ты остаешься собой. Точнее, усиленной в сто раз проекцией себя. Как тебе картинка?

– Охренеть.

– А я ещё слышал, – сказал Нил, – что этот товар приоткрывает будущее.

– Если правы те, кто утверждает, что все события предначертаны, – задумчиво добавил Теодор.

– Да ну их в задницу, такие приходы. Натуралистично, конечно, но я чуть концы не отдал.

– Ты просто не в адеквате после вчерашнего. Возьми ещё, подарок фирмы. Попробуешь в приподнятом настроении – улетишь, как шарик.

– Спасибо, друг. Кстати, Тео, мы же хотели к тебе заехать, твою новую хибару посмотреть. Давай сейчас смотаемся, на вечер есть планы.

– Сваливаем. Я поеду, вы за мной пристройтесь.

– Главное, чтобы ты за нами не пристроился, хе-хе. Мы с Нилом в моей тачке поедем. Пошепчемся о том-сём.

– Ты поосторожнее, он опасный парень. О чём это вы будете шептаться? Канал мой не нравится? Рекламы слишком много?

– Всё нравится. Просто ты мигалку включишь, как руководитель государственного телеканала, а мы за тобой потихоньку.

– Свою мигалку пора бы иметь.

– Да мне ещё два квадратных километра задниц нужно отполировать, чтобы получить должность с мигалкой.

– Ну... Как там у вас в народе говорят? Глаза боятся, а руки делают.

– Главное, чтобы руки не боялись. Поехали.

Компания выкатилась из отеля.

...Интересно и так приятно смотреть на покорённый город. Жизнь удалась, чёрт возьми! Вылизанная дорога, выделенная полоса, толпы глотают слюни, увидев сияющую машину Теодора, дорожке среднего истребителя. И ведь наверняка не глядя взял из своей конюшни. Ну,

у меня тоже не жестянка. Не представляю, как можно ногами ходить по улицам, среди всех этих неудачников. Это был бы экстремальный спорт. Теодор говорил, что бродит иногда.

Нужно музыку включить для полного кайфа. И радиостанция тоже ему принадлежит, везде успеваает.

Из мощных динамиков раздалось фортепианное вступление, а затем знаменитый, сильный и как будто немного пропитой голос с хрипотцой медленно пропел начало чумового хита: «Из лимузина – по магазинам, из магазина – по лимузинам...» Старый трек Мавры Шампанской. Классика. Кайф.

Вот только дорога сужается. Сбоку – грёбаная полоса для общественного транспорта. Быдлу тоже нужно перемещаться, мать их. Они, как и всё живое, в этой вечной цепочке «товар-деньги-товар».

На светофоре разглядываю длинный автобус. Сидячие места для чиновников, за перегородкой в отстойнике – прилипшие к стеклу завистливые морды гражданских. Нехорошо всё-таки, что чиновники, пусть и самого низкого звена, едут с отбросами. Вот хорошее было обращение к вышестоящему в этом порошковом трипе – «Ваше достоинство». Освобождённый разум очень точно работает.

Да и слово «чиновник» – дурацкое. Чин – нечто похожее на шубу, сброшенную с царского плеча. Устаревшее, молью поеденное слово. «Госслужащий» – просто смешно. Кому служить? Что это вообще такое – служить? Пусть лузеры служат, а мы – элита. Язык не успеваает за жизнью, слишком много в нём старого хлама.

Ну, тронулись наконец. Быдло шарахнулось от фонтанов грязных брызг из-под колёс. Люблю это ощущение, как из катапульты вылетаешь. Интересно, а что Теодор чувствует? Вон она, чёрная молния, блеснула на повороте.

Перед рекой – несколько рядов высоток эконом-класса. Жаль, место отличное. Много беспорядка в государстве. Зачем строить небоскрёбы для черни? Нужно вкапывать их в землю, чтобы торчали только коммуникации. Почему элита должна быть лишена видов и пространства? Какой шикарный пейзаж был бы без этих быдло-высоток!

Через мост проезжаем. Что-то кольнуло в сердце, какое-то ушедшее воспоминание. Что-то случилось здесь со мной очень давно, в прошлой жизни... Не могу вспомнить, да и незачем.

А вот здесь сгорел тот банкир, траурная бронзовая перевязь на опоре. И река вся в пятнах бензина, тоже будет гореть. Этот чёрный дым из окна моего кабинета видно. Как подумаешь, сколько впереди работы... Тяжёлая ноша. Почему я должен столько времени проводить в этой уродской стране? Жалких три летних месяца, когда можно выбраться в нормальные места. Потом дела, дела, засасывающая текучка. Хорошо ещё, что ввели для высокопоставленных граждан отпуска по уходу за собой. Иначе вообще можно с ума сойти от объёма ответственных документов.

Задумавшись, не заметил бабу с сумкой, стоявшую слишком близко к дороге. На повороте зацепил её крылом. Притормаживаю зачем-то, смотрю в зеркало – лежит, скрючившись. Дура какая-то, не могла в середине тротуара стоять. Или денег решила на мне заработать? Под ржавое корыто не бросилась бы, высмотрела всё-таки машину вип-класса, старая ведьма.

Досадная неприятность. Ладно, поехали.

И вдруг – оглушительный взвой сирены, сбоку тормозит бронированная полицейская машина, выбегают двое. Что-то орут. Припускаю стекло, всё равно ничего не слышно из-за музыки. Полицейские достали пистолеты, тычут в машину. Нил лениво на них посматривает. Знаю это его выражение. Скольких нужно убить, чтобы так смотреть? Ну нет, если он их сейчас положит, будет шумиха, свидетелей много. Толпа собралась, некоторые даже поближе подошли, в машину заглядывают. Сейчас это ни к чему.

Просовываю в окно ксиву. Вырывают из руки. Ну всё, нужно выходить. Некомфортно, конечно, но что делать. Вылезаю, старший полицейский дочитывает ксиву и растерянно смотрит

рит. Не на меня, в сторону. Мог бы честь отдать, ублюдок! И в лицо пора уже знать! Протягиваю руку, он всё ещё тупо смотрит, вцепившись в ксиву. Делать нечего – бью, целясь в зубы. Ну наконец-то. Пока в рыло не заедешь, не понимает ничего царь природы. Подхожу к шевелящейся бабе, бросаю несколько купюр. Толпа резко качнулась в сторону денег.

Отворачиваюсь, сажусь в машину. Поехали.

В голове ещё какой-то холодок, порошок, наверное, не выветрился. Нужно завязывать с этими бутербродами. Нельзя психоделиком полировать в конце дня, после всего съеденного. С утра кидаешь в себя для бодрости, днём – для работы, перед вечером – снова для бодрости, ночью – чтобы её не зря провести... Крыша отъезжает. Вот и сейчас... Это кто говорит? Да это же я вещаю, а Нил слушает. Мой голос. Несу какую-то философскую ахинею, но очень вдохновенно. Красноречие – ещё один побочный эффект порошка:

«Нил, ты слишком разбрасываешься. И много работаешь по старинке. Отобрать обманом лучше, чем силой. Заработок – результат обмена, ты получаешь деньги взамен отданного времени и сил. Торговля. Весь мир – рынок. Все торгуются – от пылкого юноши, продающего избраннице иллюзию её исключительности, до главы государства, продающего народу идею вождя.

Но ты же не торгаш. Мудрый получает что-то ценное, не отдавая взамен ничего. Иначе – он не мудрец, а меняла, как все. Другие пусть отдают, тем самым признавая, что ты – выше их».

Разговор не склеился, у Нила есть иногда привычка – слушать и молчать, как удав. Ну, у него своего геморроя хватает. Передел земли в южных кварталах, много стрельбы и прочих хлопот. Мрачный он сегодня какой-то.

Наконец подъезжаем. Никогда ещё не был в Чаше, суперэлитном вип-посёлке. Усадеб пять-шесть, окружённых дремучим лесом.

Теодор уже давно приехал, любит скорость. Встречает у ворот. Бог ты мой, какие ворота! Красные, это же чистая медь! Сколько же они в высоту? А барельефы! Если бы у Трои были такие ворота, греки до сих пор бы их штурмовали. Садимся в гольф-кар, едем по дорожке. Голова ещё тяжёлая, с трудом ловлю обрывки разговора. Нужно будет у хозяина дунуть чем-то прочищающим, вся ночь впереди. Странное чувство – будто кто-то говорит моим голосом.

– А ты не хотел бы попробовать покрутиться в государственном бизнесе? Всё то же самое, только знаки отличия свои.

– У меня тоже устойчивый бизнес. Да ещё, как вы говорите по телику, социально ориентированный. Дурь важна, это же десять процентов всего оборота наличных денег. Какой смысл идти целиком в государственный бизнес?

– Он безопасней, технологии другие. Да и вопросы престижа... У тебя же есть бабло, стань хоть депутатом этой законодательной херни. Как её... Вылетело название, я же обдолбаный. Теодор поможет с раскруткой. На другой уровень выйдешь, не вечно же тебе услуги населению оказывать. И я помогу, пристрою тебя поближе к тендерам.

– Чё это – тендеры? Еврейская семья? Исаак и Сара Тендеры?

– Тебе бы всё ржать. А это килограммы легкого, легчайшего бабла, которого ни мексы, ни душманы не принесут. Выстраиваешь цепочку, наводишь дисциплину, у тебя же талант к работе с людьми. Свисток, вбрасывание, несколько звонков, и всё – счета прирастают нулями.

– Спасибо за заботу. Но тебе-то какая будет выгода, если я приду в политику?

– Своих людей много не бывает. Глядишь, и мне пригодятся твои ребята-отморозки. Не все задачи можно решить официально. Пока.

Нельзя больше говорить, нет слов – мы приехали. Невероятная вилла... В любимых цветах Теодора – из чёрного мрамора с красными прожилками. Вот что значит – не просто бизнесмен, а эстет, человек искусства. Запрокидываю голову, чтобы лучше разглядеть лепнину на фронтоне. Фантасмагорические, сложные фигуры, переплетённые руки и тела, крылья, виноградные грозди, морские волны... Арки, колонны, резные решётки...

Где-то за углом раздаётся звонкий собачий лай. Теодор зовет:

– Собака Аркадьевна!

Выбегают две большие овчарки. Породистые красавицы, чёрные как смоль. Ластятся к гостям.

– Теодор, их же двое? А вторую как зовут?

– Одну зовут просто Собака, было по приколу. А вторую назвал в честь соседа – Аркадьевна.

– Тест на отцовство делал?

– Ха! Я под тебя комедийное шоу запущу! Талант пропадает.

Интерьер виллы неопиcуемый, в стиле нуар. Полумрак, еле видны листы старинных рукописей в золотых рамах, лежащая скульптура обнажённой негритянки, изогнувшейся как пантера, деревянная решётка лифта, словно из старого фильма.

По сторонам – перегородки из дымчатого полупрозрачного стекла, за которыми начинаются тёмные коридоры куда-то вниз и вдаль. Слабый свет от лестничного окна, видно плохо. Справа – то ли винотека, то ли химическая лаборатория, в неопиcуемом беспорядке стоящие и лежащие пузатые и плоские бутылки, флаконы, пузырьки, колбы, блестящие и тёмные, целые и расколотые, как будто сумасшедшие дрались там, хватаясь за всё вокруг. Слева – похоже на старинную библиотеку, бесчисленные полки с книгами и перевязанными свитками.

Что-то заставляет остановиться, не могу оторвать взгляд от этой библиотеки. Наверное, цепкий наркотик ещё не отпустил до конца. Ведь точно вижу: что-то движется на полках, будто книги сделаны из живой шевелящейся кожи. И эта неясная чёрная масса за стеклом, а дальше за ней слабое мерцание, словно коридор уходит в болото, над которым ползают блуждающие огни. И вместо скуки от вида стольких старых книг почему-то возникает тягостное чувство... Близости зловещего и непонятного...

И ещё вспыхнули и снова провалились какие-то обрывки слов из давно, в прошлой жизни, прочитанной и навсегда забытой книги: «Вселенная... Некоторые называют ее Библиотекой». Кажется, что коридору нет конца. И ещё почудилось, что и каменный дворец наверху, и вся элитная Чаша – театральные декорации из картона, сделанные, чтобы эта библиотека не была видна. Оптический обман какой-то.

Помрачение отступило перед лифтом. Поднимаемся в огромную студию верхнего этажа.

В меркнушем свете короткого дня открывается вид на поместье. Справа вековые деревья, совсем близко у дома, до разлапистых ветвей можно рукой достать.

Внизу – начинается виноградник, газон и двухэтажная собачья будка в драгоценном геометрическом стиле ар-деко. Блестящее чёрное дерево, вставки из белого золота. Эта будка подороже моей квартиры будет, а может, и побольше.

Лакей приносит напитки, пробуя что-то невероятно освежающее, дурман отступает немного.

Снимаю со стены старинную подзорную трубу, пытаюсь разглядеть что-то за деревьями. Виден колоссальный бассейн с водопадами и рядом какая-то недостроенная хибара, стены и каминная труба.

Теодор объясняет:

– Сосед у меня обанкротился. Начинал хорошо, нефтяной магнат, туда-сюда. Приличный человек, выразил уважение. Я дал добро на строительство рядом со мной, чувак успел построить этот бассейн и вылетел в трубу, зарвался на бирже. В посёлке его называют Серой Шейкой, он как та курица из сказки, которая никак не могла улететь со своего водоёма. Держу хохмы ради, пока кто-нибудь нормальный на вступительный взнос не заработает. Местный клоун. Посмотри лучше налево, там художники заказ доделывают.

Слева пятеро художников трудились на лесах, завершая огромное, вровень с крышей, панно. Заканчивали выкладывать обрамляющую мозаику. Пятиметровые кентавры, занимаю-

щиеся любовью. Могучие торсы, страстные позы. Очень натуралистично, каждая шерстинка прорисована.

– Декоративное искусство должно быть из космоса видно, – пытаюсь дипломатично пошутить, страсть Теодора к современному искусству всем известна.

– Признаюсь: люблю искусство и настоящих творцов. Лучшее развлечение для меня. И нравятся необычные сюжеты, модерн, авангард, кич. Тошнит от всей этой классической тяготины. Два подлинных Рафаэля висят на итальянской вилле, но не радуют. Никогда не скажешь, что он умер от сексуального переутомления, никакой страсти в картинах. Скука смертная. Благостные лица, смиренные позы... Глаза никуда не смотрят... Я бы его репортёром не взял, не умеет схватить момент, передать настроение. Но ценится почему-то дороже золота. А здесь всё-таки новый, современный взгляд.

Осматриваюсь, плохо видно из-за полумрака. Что это такое на барной стойке? Настоящий пулемёт «Максим»? Или копия?

– Настоящий, – как будто читая мысли, говорит Теодор. – После реставрации, поплавал в масле неделю, потом перебрали – ещё сто лет проработает. Нашли прямо на участке.

– Как?

– Да западное крыло расчищали под поле для гольфа и нашли этот пулемёт. Врос в огромную берёзу на высоте метров четырёх. Все выпали от удивления: берёза с пулеметом! Прораб так удивился, что мне позвонил. Я сначала вспылил: фонтан не доделан, а он с какой-то хернёй звонит. Потом и скелет пулемётчика нашли, когда я приехал. Оказалось всё банально: пулемёт был установлен между двух молодых берёзок, пулемётчика убили, а берёзки срослись в одну и несколько десятилетий росли вместе с пулемётом, поднимая его.

Хотел сначала всё на свалку выбросить, но потом какая-то ностальгия взяла. Война – это святое. В коллекцию оружия не взял, там только холодное, его люблю больше. Пулемёт и в интерьере хорошо смотрится, свежо. А скелет повешу в беседку и оформлю её в готическом стиле. Будет фишка на Хэллоуин. Вам тут холодно, я гляжу?

– Есть немного.

Из ниоткуда возникший лакей мастерски зажёг дрова в камине и бесшумно исчез. Верхний этаж осветился тусклым красным светом.

– Камин интересный, кстати. Плиты опять с западного крыла, это прямо Клондайк. Раньше там было богатое купеческое кладбище, потом его забросили, лет двести назад. Когда начали выравнивать землю, всё перекопали, увезли весь хлам на свалку. Хотели и надгробные плиты увезти, но они мне приглянулись, я несколько отобрал. Люблю старый мрамор. Вот из них камин и соорудили. Теперь и наказание есть для нерасторопной челяди. Посылаю сюда ночевать. Боятся этого страшно. Говорят, после полуночи камин что-то шептать начинает. Вздор, конечно. При мне ничего не шепчет...

– Ну, располагайтесь пока, а я отойду на минуту, пригляжу кое за чем. Прислуга обучена, не стесняйтесь. Противозаконные желания гостей удовлетворяются в первую очередь.

Нил усмехнулся и достал портсигар. Чиркнул зажигалкой, появился маленький жёлтый огонек и вцепился снизу в краешек сигареты.

Старинные напольные часы пробили три часа дня. Дверь за Теодором закрылась.

...Снаружи воздух уже начинал темнеть и большие ели бросали чёрные тени на беседку. Теодор зашёл внутрь, взглянув на остановившиеся часы.

Человеческий скелет лежал на полу. День меркнул и жёлтый от времени, потрескавшийся череп становился белым, как снег. Стояла полная тишина, и только издали доносился какой-то непрерывный стук, словно птица стучала по сухому дереву. «Ту-тук, ту-тук. Ту-тук, ту-тук. ...»

А ещё дальше, за пределами человеческого слуха, волнами накатывал железный грохот беспощадного боя, разрывы и вой, треск пламени, рёв моторов, крики солдат и посреди этой ярости и безумия – неслышный сдавленный стон...

Но всё это только чудилось. Тихо было в лесу и только далёкая птица, как пулемётчик, стучала по сухому дереву.

Незаметно поднялся ветер, закачались ветви могучих деревьев и спугнули птицу. Теодор внимательно посмотрел в пустые впадины глазниц и произнёс загадочные слова: «Если кто положит живот свой за други своя... Сеятель пустых обещаний снова получил всё самое ценное. Мне же остались лишь кости... Хотелось бы большего, но...»

Он сделал шаг и сразу оказался далеко от загородного дворца. Чаша провалилась куда-то и осталась за спиной. Не шумел уже дремучий лес, огромный город расстился повсюду.

Два храма

Над городом висела необъятная, почти в целое небо, чёрно-серая туча, словно весь город был неопишуемой дымящей фабрикой и каждое его здание выбрасывало вверх всё новые залпы копоти. Тяжёлая туча простиралась без конца, во все стороны света, быстро затягивая редкие прорехи бледно-голубого неба.

Здание главного университета неприступной крепостью возвышалось над окружающим блёклым пейзажем. Близкие дома казались маленькими и случайными перед этой архитектурной доминантой, каменным вызовом небу и пространству. Гордый шпиль уходил вглубь чернеющей тучи и встревоженные вороны кружились вокруг башенных часов.

Чем ближе Теодор подходил к университету, тем сильнее слышался знакомый шум. Медленно, но неуклонно нарастал гул растерянных, тревожных, печальных, жалобных голосов, которые словно пропитывали, окутывали несмолчной звуковой завесой серые стены, уходившие ввысь. Это были голоса заключённых, сто лет назад построивших университет. Они давно и бесследно исчезли с лица земли, но камни, к которым они прикасались, навечно сохранили отзвуки их голосов.

Не слушая эти голоса, не желая слушать, Теодор мгновенно пролетел вдоль серой стены, направляясь к центральной башне, открыл, почти не коснувшись, тяжёлую резную дверь старинной работы, но всё равно зацепил краешек чьей-то судьбы. Чей-то голос, быть может, плотника, когда-то сделавшего дверь, горестно прошептал: «Пятнадцать лет каторги... За что? Я не агитировал, не разжигал и не подрывал ничего. Я только посмотрел на свои рваные ботинки и сказал: «Наши быстро разваливаются... А трофейные бы – хрен...»

Не останавливаясь и не оборачиваясь, Теодор с облегчением вошел в университет, мягко скользнул по коридору и вдруг остановился. Прислонился к двери, прислушался. Ненависть и презрение блеснули в его глазах.

«Надо же, эта мумия ещё не сдохла. Стучит-перестукивает изношенное сердце в немощном теле, прикрытом выгоревшим старомодным пиджаком. Наполовину оторванная пуговица третий год болтается на левом рукаве. Что он там вещает, этот полуслепой нищелюб? Что за курс? А, молодняк, первокурсники. „История литературы“. Какое было могучее и опасное искусство, какой огнедышащий дракон... Теперь это всего лишь искусство пафоса. В словах больше нет силы. Человеческие слова и мысли – как мухи, кружащиеся вокруг лампы. Нужно просто зажечь эту лампу в нужном месте. И выбрать цвет».

Седой профессор говорил медленно. И тихо было в этом переполненном амфитеатре. Так тихо, что упавшая скрепка произвела бы шум лавины.

– ...И ведь каждый знак препинания имеет такое значение... Отвлекаюсь от темы, но хочу показать вам, мои дорогие ребята, самый гениальный (из известных мне, невежественному) знаков препинания во всей русской литературе. Посмотрите на экран. Это фрагмент из писем читателей, включённых в книгу Александра Исаевича Солженицына «Бодался телёнок с дубом». Она давно запрещена и её не достать, но я помню это место. И вы запомните. Ради самих себя – запомните. Медленно прочитайте фрагмент. Почувствуйте этот текст.

«Безответственные правители великой страны!

...Может быть, задумается кто-то из вас: а всё же нет ли над всеми нами Того, Который спросит за всё? Не сомневайтесь – есть.

И спросит. И – ответите».

– Друзья мои, прочитайте ещё раз последние два слова. Вот он, этот знак! – голос профессора дрогнул.

– Как поставлено это тире... До дрожи пробирает эта черточка. Такая в ней многозначная пауза... Не знак, а бездонный колодец. Тире, как вы знаете, вообще используется для замены каких-то отдельных слов, а здесь оно заменяет тысячи...

«И спросит. И (вы, моральные уроды, скоты, душегубцы, плебеи духа, грязь земли, ублюдки-хриstopродавцы, денежные мешки, запачканные кровью, убийцы души и мысли, разрушители мечты и свободы... за все-все-все, за все преступления) ответите. За каждое – ответите».

Профессор снизу смотрел на лица, заполнявшие амфитеатр. Вдруг он почувствовал что-то тяжкое, словно злобный дух лжи и гордыни подлетел к аудитории, словно в воздухе разлились презрение и равнодушие, делающие старым и слабым... И впервые за много лет он ощутил страх перед аудиторией, нелепость своих жестов и беспомощность слов.

Что я могу сделать? Да если я кровью своей напишу эти слова, любые слова – ничего не изменится. Нет больше сил. Как у раненого гладиатора перед толпой, просто смотрящей на кровь. Да и какой из меня гладиатор уже...

Слишком поздно. Большинство уже не смотрит на экран, кто-то скользнул взглядом и обернулся назад, эти в вечных наушниках, те отрешённо уставились в свои электронные погремушки и тоже не слышат ничего...

Всем наплевать. Они не понимают... Как же они далеки, эти ребята... О чём они думают, что у них в душах? Не понимают меня, мой язык. Не способны понять. Почему, как же так вышло? Когда и как получилось, что погас огонь литературы, что люди, вместо того, чтобы греться у этого огня, пошли прочь, к ярким, но безжизненным миражам и забыли про настоящий огонь... Что же согревает их души? Может, это я безумен, что вижу так много смысла в давно написанных словах, в поступках умерших людей? Поэтому они и не понимают...

Вот только... Кажется, у этой девушки что-то просветлело в лице. Профессор с надеждой вскинул голову и снова заговорил, смотря только на неё:

– Это тире заменяет все ругательства, все негативные эпитеты, всю боль души. Не замечает, конечно, простите. Показывает. В нём есть ненависть, неотвратимость и падающие небеса. Гениальный знак, я когда увидел его в первый раз, дыхание остановилось. Великий русский язык. Это язык великого народа. И пока он звучит...

Теодор с треском распахнул дверь и захлопнул её так, что гулкое эхо пошло по пустым коридорам.

Все студенты повернулись как один. Профессор бросил гневный и презрительный взгляд. «Посмотри, посмотри ещё так, собака! Я тебе покажу сейчас падающие небеса! Как ты обо мне подумал? „Циничный ублюдок“? Я не забуду».

– Добрый вечер, мои юные друзья! Моё почтение, профессор! — властным голосом, моментально охватившим всю аудиторию, сказал Теодор.

– Проходил тут мимо по коридору и случайно услышал, что речь идет о письме еврею Солженицкеру от другого еврея... Регельсона, если не ошибаюсь? Увлекательнейшую тему избрал профессор! Один еврей рассказывает о переписке двух других!

В аудитории раздался мелкий сволочной смешок, перекатившийся сверху до первых рядов. Профессор застыл.

– Но знаете эту поговорку? Или не проходили ещё поговорки? Без труда не вытащишь опилки из бобра? Чем больше спишь – тем шире морда? И всё такое. Так вот, в народе говорят, что там, где собираются три еврея, один из них – обязательно жид! Из тех, о которых сказано: «если в кране нет воды – значит, выпили жида». Кто же из этих троих? Давайте решим головоломку! А параллельно ответим себе на вопрос: как получилось, что о величии русского языка молодёжи рассказывает один старый жид, черпая вдохновение в переписке ещё двух?

Не кажется ли вам, коллеги, что здесь из паутины пафоса создаётся, говоря словами Достоевского, «жидовское царство»? Всё-таки Фёдор Михайлович умел хорошо формулировать, когда у него свободное время появлялось между припадками.

Но я отвлёкся! В конце концов, национальность не имеет значения, это форма. Нужно поднять пейсы, раздвинуть бакенбарды и посмотреть, что скрывается под ними. Рассмотрим тезис профессора по существу. Тире, было сказано, заменяет кучу слов. Тогда у меня есть идея модернистского рассказа, а может, и романа. Зацените, литература сейчас родится на ваших глазах.

Теодор подошёл к доске, протянул руку, и в ней оказался мел. Он резким взмахом провёл на доске горизонтальную черту и поставил точку.

– Это всё. Одно тире – рассказ, два – уже роман-эпопея. Читайте и перечитывайте! Додумывайте слова! Все скрыто за этим волшебным знаком. Лекция окончена, мне больше нечему вас научить!

Покорённый зал цинично ржал уже в открытую, шум нарастал, студенты вскакивали и стремились к маэстро Велизаару, телевизионной, финансовой и политической мегазвезде. Профессор пропал, скрытый толпой.

Никто до сих пор не верил, что он, собственной персоной, – декан факультета журналистики. Ну слишком далеко и невозможно! Даже до престижного университета – как далеко оттуда, с этой головокружительной, золотой, бриллиантовой высоты, на которую он взлетел! Вот в этих же руках – миллиарды, яхты и виллы, этими руками он трогал всех актрис и моделей! Этой улыбкой улыбался королям и президентам! Вот только протиснуться бы поближе, пожать руку, чтобы потом всем друзьям рассказывать «да я его видел, как тебя», и самому не верить в это! Да предки охренеют, кто зашёл!

Казалось, что все желания исполнятся, стоит лишь дотронуться хоть до краешка этого потрясающе сидящего костюма, хоть до запонки... У него рубиновые запонки, что ли? А часы! Сколько такие могут стоять? Какой стильный красавец, не оторваться, даже по телику хуже! Может, он заметит меня и жизнь сразу станет сказкой и из всех проблем останется только одна – зависть других!

Теодор улыбался, острил, что-то отвечал, записал чей-то телефон, кого-то подстрелил, изобразив пальцами пистолет, десяток раз черкнул автограф, незаметно продвигаясь к выходу. «Время – деньги, друзья! Ужинаю в закрытом клубе джентльменов, нужно спешить! Учитесь хорошо, чтобы закрытые клубы для вас открывались!»

Перед самым выходом он вдруг обернулся и пристально посмотрел на одну девушку. Толпа расступилась перед его взглядом, девушка сразу оказалась одна.

– Как тебя зовут, лапочка?

– Вероника, – смущённо ответила девушка, остро ощутив тяжесть всеобщей зависти и ненависти вокруг.

– Красивое имя. Библейское, – сказал Теодор и в полном молчании подошёл ближе. «Надо же, какая эффектная. Чувственные губы, точёная фигура, а глаза кроткие, как у овцы. И непосредственная, как цветок. Полная невинность с ямочками на щеках. Люблю контрасты. Интересно, как изменится её лицо, когда в глазах появится отчаяние? Какое будет выражение...»

Черты лица чуть заостряются, глаза станут темнее... И эта неумирающая надежда где-то в глубине... Чистая эстетика отчаяния. Нужно будет взглянуть».

– Дай твою руку. Необычные линии... Считается, дорогая моя, что искусство хиромантии позволяет увидеть будущее. Предсказывать на годы вперёд я не стану, а то не поверишь. Предскажу на сегодняшний вечер... Давай посмотрим. Сегодня вечером...

Вероника замерла. Что-то страшное было в его низком голосе, будто поднимавшемся из глубин земли, из какой-то каменной толщи, где нет воздуха и тепла. Как будто смертоносная

зимняя змея вдруг выползла из этой толщи и заговорила, околдовывая жертву. Каждое слово прикасалось к сердцу могильным холодом и самыми неотвратимо-кошмарными были слова «сегодня вечером». Кровь стыла от его голоса, как будто услышанного впервые. Его настоящего голоса.

– Уже сегодня вечером тебя ждет незабываемое приключение. И обретение новой профессии. Очень древней и популярной... И даже новое имя. Когда будешь засыпать сегодня, вспомни моё предсказание, вспомни, как тебя зовут теперь.

Вероника слушала, пытаясь унять дрожь. Руку нестерпимо жгло, будто его взгляд был материальным и прикасался к ладони невыносимо холодным лезвием. Как же он страшный... Как могут его считать красивым? Говорит, но губы не шевелятся... Уйти, скрыться, только бы он не смотрел... Он словно обнял, не вырваться больше... Мама... Не уйти...

Никто из студентов ничего не заметил, за спиной остался возбуждённый гул аудитории, а Теодор уже был в другом зале. Он сидел на столе, ногами вперёд, и небрежно бросал слова в одну околдованную толпу за другой.

Он не двигался с места и только перед ним и вокруг него менялись лица и декорации, пока он читал множество лекций одновременно. Он свободно говорил обо всём, наслаждаясь успехом. Он просто перебирал гроздь гуманитарных наук, всех до единой им изученных и подвластных. Основы философии и особенно – этики, литература, теория государства и права, история искусств и религий, модные спецкурсы по достижению жизненных целей...

Время для него словно остановилось. Время существовало только для людей перед ним, жадно ловивших каждое слово, упивавшихся его мудростью и красноречием.

– Искусство метафоры невероятно расцвело в Серебряном веке. Как я уже говорил, лучшая метафора – та, что точно описывает реальность. Разберём эту строку Есенина: «Лай колоколов над Русью грозный...»

– Эгоизм человека непреодолим... Сама природа человека эгоистична. Любой хочет денег – для себя. Любви настоящей и покупной – для себя. Уважения и авторитета, признания и благодарности – для себя. Власти – чтобы его боялись и подличали перед ним. И даже добрые поступки, которые человек якобы совершает «для спасения души» – он совершает для себя, ведь это его собственная душа, его бессмертие и безграничность. Поэтому следуйте своей природе и думайте только о себе. Не ищите любви и дружбы, их нет на свете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.